

Дыры в гуманитарном образовании и в небесах

Васильев К.Б., глав. ред. изд-ва «Авалонь»

Аннотация: Автор рассматривает некоторые ошибки, которые присутствуют в научных трудах, научно-популярных публикациях, переводах и словарях из-за того, что авторы и лексикографы плохо или совсем не знают библейские тексты. Настаивая, что знание Библии необходимо для гуманитарного образования, автор не считает нужным и полезным вносить в школьную программу историю религии. Рассуждения о негативном влиянии идеологии на все виды гуманитарного обучения в высшей школе подкрепляются примерами из собственного университетского опыта. Останавливая внимание на архаичных или трудных для понимания словах, таких, как *милоть*, *сень*, *стремнина*, *купель*, автор с особым пристрастием разбирает выражение *разверзлись хляби небесные* и самостоятельно слово *хлябь*, основывая свои рассуждения на отечественных и зарубежных источниках, в том числе на малоизвестных работах Памвы Берынды и Франца Миклошича.

Ключевые слова: милоть, игумен Даниил, религия в школе, нравственность, Ильин день, Левий Алфеев, сбор пошлин, история английского языка, гибель воробья, купель, марризм, хлябь, лексикография, Словарь Академии Российской, сень, стремнина, источники великой бездны, расхлябанность, Шишков, палящи хляби, катаракт, Лексикон славенороссийский, шлюз, Миклошич, продушина, пространная врата.

Милостью по Иордану

Источники водные, библейские, литературные и педагогические

Составляя не так давно словарь редких, малоупотребительных и незнакомых слов, я внёс в него и *милоть* — с объяснением, что это *овчина, одеяние из овечьей шкуры*. *Милоть* встретила меня в путевых записках игумена Даниила, я познакомился с ними тоже недавно, в свои далеко не студенческие годы. Русский паломник, побывавший в Святой земле, Даниил в своём «Хождении» упоминает среди прочих религиозных достопримечательностей *купель* около брода через реку Иордан. По Ветхому завету, *вдревле* река в том месте расступилась чудесным образом перед *сынами Израилевыми* во главе с Иисусом Навином, они прошли *по суху* на другой берег — и оказались, наконец, в *земле обетованной*. Даниил вспоминает при этом и Елисея, *человека божьего*: он следовал за пророком Илией за Иордан и, согласно Четвёртой Книге Царств, на его глазах Иегова забрал Илию к себе: *понёсся Илия в вихре на небо*, а на земле осталась лежать его одежда — его *милоть*. Елисей подобрал одежду, *упавшую с Илии*, и, возвращаясь той же дорогой в свои края, ударил *милотию Илииною* по воде, и вода *расступилась туда и сюда, и перешёл Елисей*.

Вот как описывает Даниил в своём «Хождении» означенную купель, то есть купальню, или, применительно к Иордану, заводь для омовения:

«И ту есть купель на Иордане, и ту ся купают христиане приходяще. Ту же есть брод чрес Иордан во Аравию. На томъ же месте Иордан раступися древле сыном Израилевым, и проидоша людие по суху. Ту же и Елесеи удари милотию Илииною в воду, и проидоша Иордан по суху.»

Слова *милоть* я до знакомства с «Хождением Даниила» не знал, как не знал многих других слов из старинной русской литературы, как не знал, честно говоря, даже по названиям, какой была русская литература до восемнадцатого века. В школе мы *проходили* «Слово о полку Игореве». Библии мы не читали ни в средней, ни в высшей школе — моя пятнадцатилетняя учёба пришлась на шестидесятые и начало семидесятых годов, когда советское общество, непримиримое к врагам внутренним, внешним (и преимущественно мнимым), уже не было настолько ожесточённым, чтобы закрывать или взрывать церкви, выносить суровые приговоры только за то, что ты служитель религиозного культа, но *религией* и, так и хочется добавить, *опиумом для народа*, в моё время был коммунизм, и, насаждая атеистическое мировоззрение, воинственные проповедники и служители культа коммунистического ссылались, естественно, не на библейские тексты, они обращались за словами, цитатами и лозунгами к иным *святым* писаниям — к трудам так называемых классиков марксизма-ленинизма.

В университете я учился на английском отделении. Это можно выставить вроде извинения, почему я с большим опозданием узнал какие-то редкие русские слова и обратил внимание на русские письменные памятники. С другой стороны, обучаясь на филолога, получая *гуманитарное* образование, я должен был иметь представление, о чём пишут в старорусских *хронографах, изборниках, поучениях и житиях*. И уж точно я и другие *гуманитарии* на филологическом, историческом и философском факультетах должны были знать Библию.

Может показаться, я веду к тому, что в средней и высшей школе нужно помимо «Слова о полку Игореве» ввести в программу побольше древнерусской литературы, что нужно знакомить школьников и студентов с историей религии и сделать обязательным чтение Библии? Чтобы ещё на школьной скамье, при гибкой и восприимчивой памяти, люди узнавали и запоминали такие интересные слова, как *милоть*. Нет, к этому я отнюдь не веду. Я бы исключил из школьной программы и «Слово» — из программы *средней* школы. Историю религии, как я понимаю, уже ввели, руководствуясь, очевидно, *задачами духовного воспитания*, и в наших школах снова детей утомляют занудливым пустозвонством, как моему поколению и четырём поколениям русских людей до меня советская власть назойливо отравляла слух, ум и само существование коммунистической идеологией.

Понятно, что *духовным пастырям* нашего времени хотелось бы видеть в школах только историю *своей* религии, но прошли те времена, когда, к примеру, православные, *подлинные* христиане, смело, в открытую, прилюдно, устно и печатно высказывались непримиримо или пренебрежительно о представителях иных вероучений: *басурмане, сорочина долгополая, папешники, лютеры, кальвины* — короче: *еретики и поганые нехристи!* Сейчас так не полагается, поэтому на бедных наших школьников — на наших, если я не ошибаюсь, четвероклассников, навалили не только православие, а, *для справедливости и для равенства*, также прочие исповедания. Но при этом, я уверен, подразумевается, *по умолчанию*, что главным среди равных является именно оно — православие.

Хотя, почему *по умолчанию*? О превосходстве православия есть высказывания и во весь голос, без оглядки на то, будет ли это приятно слышать *папешникам* и

басурманам, — простите, католикам и мусульманам. Священнослужитель Серафим, прозванный Вырицким, прославивший в народе чудотворцем, живший не во времена непримиримых религиозных разногласий и войн, Серафим Вырицкий, причисленный к лику святых православной церковью в 2000 году, высказывался следующим образом: «Лучше нашей веры я не видел. Наша вера — выше всех. Это вера православная, истинная. Из всех известных вероучений только она одна принесена на землю вочеловечившимся Сыном Божиим.»

Как там у Джорджа Оруэлла? А там, как мне напомним знающие читатели: «All animals are equal, but some animals are more equal than others». То есть: «Все животные равны, но некоторые равнее других». В этом словесном построении *животных* можно заменить *людьми*, оно не теряет смысл и остаётся справедливым, если вместо *животных* будут *народности* или *религии*.

Скажут мне: в наших школах есть выбор, можно попросить, чтобы тебя учили только про католиков или только про ислам. Да, когда у человека есть выбор, это хорошо. В моё время выбора не давали: учи про коммунизм, всё остальное — ложные идеологии, неверное миропонимание. А если не будешь учиться, учиться и учиться коммунизму, — в конце школы тебе напишут такую характеристику, с которой тебя ни в один университет не примут, а если ты уже в университете, из одного тебя быстро и без лишних разговоров отчислят.

И что, в теперешней школе, при свободном выборе, — в одном углу кучка учеников штудирует ислам, в другом углу или в другом кабинете — иудаизм, в третьем католицизм? Изучение религии по сектам? И при этом нужно изощряться, чтобы не оскорбить исповедания, изучаемые по другим углам? А! — ответят мне или даже дадут отповедь: не надо извращать благую идею и полезное начинание, мы не насаждаем религию, мы расширяем для детей мир познания, мы объясняем, где истоки человеческих верований, и, главное, детям прививается терпимость, нравственность... Что там ещё? А, духовность! Ведь как это важно в наше время — духовность, нравственность! Что там ещё... А, милосердие!

Мне могут также сказать: Вот вы, филолог, если бы у вас в школе был Закон Божий — ну, или история религии, вы бы не в пятьдесят лет, а ещё в четвёртом классе узнали бы и про вознесение Святого пророка Илии, и про то, как они с Елисеем, человеком Божиим, с Божьей помощью посуху перешли через Святой Иордан — благодаря чудодейственной милоти Илииной, и по возвращении обратно уже для одного Елисея, на ком почивал Дух *Божий*, Господь Бог разделил воды Иордана, осушив ему дорогу. Так что всё в руках Божьих!

Или вот ещё какое любопытное замечание могло бы прозвучать: благодаря школьному курсу религии, благодаря чтению Библии никто в наше время не писал бы из-за своего невежества *милость*, как пишут некоторые, и как печатают в некоторых изданиях, тогда как пророк Илия носил — *милоть*!

Терпимость и нравственность как повод для пустозвонства

Вспомним свою учёбу в школе. Конечно, всем разное запомнилось, иногда что-то случайное и ненужное застряло в памяти сильнее тех знаний, которые нам давали на уроках, и помним мы, как правило, выборочно и сообразно своему складу ума. Но некоторые, став взрослыми, как будто нарочно забывают, что они были детьми, и какие-то школьные предметы им не давались, например, из-за плохой памяти, и какие-то дисциплины они не любили или даже ненавидели — ибо невозможно любить всё от тригонометрии до физкультуры. Если вспомнить без прикрас и без лукавства, не выдавая желаемое за действительное, придётся назвать вещи своими именами: какая-то

часть школьников, какой-то *процент*, мало что вынесли из общей истории, как мировой, так и российской, — из-за слабых мозгов, из-за лени и невнимания, из-за внутреннего сопротивления всему навязываемому, из-за неприязни к сухой и занудливой *историчке*... Что-то неизбежно выветривается из памяти, и тот, кто собирался в университет, в конце десятого класса должен был самостоятельно повторить весь курс истории, а кто не собирался, того сейчас спроси, и он, скорее всего, ответит: учили что-то, не помню уже точно. Нужен ли ещё один *отвлечённый* предмет? — тогда как при современном *всестороннем* образовании далеко не все дети усваивают основные дисциплины, тогда как учителя переводят некоторых учеников из класса в класс для показухи: его бы отчислить за полную неспособность к учёбе, но нельзя же нарушить закон об *обязательном* среднем образовании.

Если дальше рассуждать, в развитии человечества историческими вехами, как ни крути, были войны. И до древних греков, и древние греки воевали между собой и против внешних врагов, ходили друг на друга с мечом и римляне, и германцы, и славяне, воевали по семь, по двадцать и тридцать, даже по сто лет, правда, с перерывами. История двадцатого века делится на периоды — до Первой мировой войны, после Первой мировой войны, и после недолгого промежутка опять — предвоенные годы, Вторая мировая война, послевоенный период с подсчётом жертв и убытков. Мы невольно привязываем историю своей и других стран к битвам и сражениям: в таком-то году Фермопилы, Саламин и, ближе к нашему времени, в таком-то году и с такими-то последствиями Куликово поле, Трафальгар, Бородино, и какое значение имели на дальнейшую историю Ватерлоо, Верден, Сталинград...

Если не сводить дело к сюсюканью про божью благодать и милосердие, про христианское всепрощение, про нравственность и духовность, если историю религии *изучать*, придётся, следуя той же схеме, исследовать периоды от одной религиозной войны до другой, от одного крестового похода до другого. Обратившись сначала к Ветхому завету, мы читаем о бесконечных военных действиях, о набегах, захватах и осадах, о разрушении, пленении и истреблении. При этом имеющий хоть каплю здравого смысла поймёт из Ветхого завета, что Иегова не милосердный и не всепрощающий, он — *огонь пожирающий: я стану действовать с яростью, не пожалеет око моё, и не помилую!* Иегова — бог ревнивый, он *нетерпим* к Ваалам, то есть, к другим божествам, он настаивает на непримиримом отношении к иным верованиям и к отступникам от своего культа. Как утверждается в Библии, по его указанию *сыны Израилевы* подчас поголовно истребляли побеждённые племена *идолопоклонников* или же *инакомыслящих* внутри Израиля: *идите по городу и поражайте, пусть не жалеет око ваше, и не щадите; старика, юношу и девицу, и младенца и жён бейте до смерти*. И в Новом завете отчётливо звучит непримиримость: *кто не со мной, тот против меня; думаете ли вы, что я пришёл дать мир земле? — нет, пришёл дать разделение; и деревья, кои не приносят добрых плодов, надо срубить и бросать в огонь — под деревьями понимай грешников*. Христиане бились с мусульманами, мусульмане разгромили христианскую Византийскую империю, католики ходили войной на православных и истребляли протестантов, протестанты притесняли католиков... И что, рассказы об истреблении *иноверцев* и сожжении *еретиков*, сообщение о том, что германские нацисты убивали людей под лозунгом *С нами бог*, способствуют *нравственному* воспитанию детей? А, они про это не учат, они про нетерпимость Иеговы умалчивают, а события вроде Варфоломеевской ночи не упоминают или осуждают? Они, вопреки фактам, цитируют по гладко написанной брошюрке о том, что в основе каждой религии миролюбие, а в доказательство, послушайте, дети: Иисус Христос велел прощать и любить ближнего!

Детям, видимо, при этом рекомендуют записывать в тетрадку — для вящего запоминания. Записали? Повторяем, это из Библии, из такого-то Евангелия, глава такая-то, стих такой-то, или из Корана — сутра такая-то. Дома вызубрите наизусть, в следующий раз на уроке учитель проверит, как вы заучили. А кто не заучил, получит двойку... А когда-то, в царское время, за невыученный закон божий секли — что, видимо, на практике подтверждало теоретические тезисы о терпимости и милосердии.

Конечно, отчасти этот курс религии — для того, чтобы *заткнуть дырку*. Прошу прощения, не дырку заткнуть, а украсить чем-то опустевший *красный угол*. Поистине, свято место пусто не бывает. Всегда, сметая с полки одних идолов, ставили на замену новых. Скажут: а как же иначе — без идолов... то есть, мы хотели сказать, без святынь? И опять слышим назойливое: надо, надо воспитывать в детях нравственность, прививать им добрые чувства!

То есть, нравственность и добрые чувства соотносятся с рукотворными идолами и увязываются с рукописными произведениями. Кланяйся идолам и обретёшь нравственность!

Мы испытали на себе, мы читали о прошлых временах, и мы видим в настоящем то, что было всегда: нравственность пытаются *привить* нудным повторением одних и тех же слов. Мол, чем чаще повторять про нравственность и напоминать людям о добрых чувствах, то будет больше нравственности и доброты, больше милосердия и... чего там ещё? А, духовности!

И они, твердолобые, уверены, что в своём *многоглаголии* будут услышаны.

Хорошо, если имеется вера в силу слов, учитель и без программы, одобренной в педагогических инстанциях и государственных верхах, скажет своим ученикам, напомним в очередной раз: курить и пить водку — вредные привычки, красть — преступление, так что не крадите и уж тем более не убивайте! Нет, вы подайте и программу, разработанную с привлечением Академии педагогических наук, Московской патриархии и, уж не знаю, каких ещё религиозных институтов, и чтобы для *духовного воспитания* явился кто-нибудь в особом одеянии, с особой шапкой на голове, обвешанный оберегами и прочими *атрибутами* духовной власти, и чтобы он не сказал, а провещал то же самое, но со ссылками на какое-либо священное писание — на Библию или Коран, как в моё время коммунистические пустозвоны, переливая из пустого в порожнее, ссылались на что-нибудь *основополагающее* от Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом или от В. И. Ленина.

Мы знаем — из своей и общечеловеческой жизненной практики, что, несмотря на нравственные наставления, письменные или устные, несмотря на библейские заповеди и грозные пасторские предостережения — по выражению Максима Горького, *попы грозят нам, как палкой: в аду будешь гореть!* — несмотря на устрашающие статьи уголовного кодекса: *на виселице будешь висеть!* — кто-то становится убийцей, кто-то вором, а уж скольких лентяев, обманщиков, сластолюбцев и прелюбодеев знала и знает история, и сколько предавались и предаются *смертным грехам*, начиная с обжорства, когда молодые и пожилые то и дело перекусывают и подкрепляются между завтраком, обедом и ужином по многочисленным едальням. Зачем тогда *всё*, то бишь *впустую*, поминать имя божье и *напрасно* угнетать молодых людей словоблудием и пустозвонством? Что касается *средней* школы, вместо того, чтобы часами морочить детям голову религиозными вопросами, для них непонятными и ненужными, им бы лучше давали побольше играть в мяч, чаще водили на экскурсии и прогулки, учили бы больше ремеслу и домоводству.

ЧП районного масштаба

Выше прозвучало вскользь о том, что некоторые, по незнанию, пишут *милость* вместо *милоть*.

Мне попались на глаза сетования какого-то читателя — его *открытое письмо* пользователям *всемирной паутины*. В один прекрасный день, а именно 2-го августа, прочитал он в своей районной газете *заметочку*, посвящённую Ильину дню. Вознесение Илии на небо в огненной колеснице преподносилось в газетке, видимо, как исторический факт, не противоречащий здравому уму и закону тяготения, и подтверждалось библейской цитатой: «И взял Илия милость свою, и свернул, и ударил ею по воде.»

Дотошный читатель справедливо указывал, что газета допустила ошибку: должно быть не *милость*, а *милоть*. Его удивило, раздосадовало и даже рассердило, что *четыре человека* (автор заметки, выпускающий редактор и два корректора — один в редакции, второй в типографии) такого слова не знали, и они слегка *подправили*, по его выражению, Библию, заменив *милоть* на *милость*.

Не знаю, откуда у пишущего имелись такие сведения, но он уверенно заявлял: все указанные сотрудники газеты и типографии, все четверо — *филологи по образованию*.

Камень, брошенный сердитым читателем, задел и меня — потому что я тоже филолог, потому что и я, не изучив на гуманитарном факультете много такого, что гуманитарий должен знать, мог бы допустить подобную ошибку, или что-то перепутать, или что-то неточно перевести. Помню, переводимый мной американский автор использовал в своём тексте *spy*, что значит, конечно, *разведчик* или *шпион*. Однако, в произведении, точнее, в том отрывке, авторский стиль отдавал какой-то весомостью и чеканностью, и речь шла не о войне или краже промышленных секретов, герой сравнивал свои глаза с разведчиками, которые должны что-то для него увидеть, усмотреть, разузнать... Так *шпионы* или *разведчики*? — долго сомневался я, а словари подсказывали только эти два значения. В том случае нужно было перевести *соглядатаи*. Всесторонне подготовленный филолог вспомнил бы соответствующее место в Ветхом завете и слова Моисея, как они выражены по-русски: *Пусть идут мои соглядатаи для высматривания*.

Наша филологическая подготовка была односторонней. Или, если хотите, однобокой — притом, что трубным гласом славилось наше *всестороннее* образование.

Упомянутый читатель, он же автор открытого письма, негодовал, что и никто из подписчиков не заметил опечатки. И даже местный поп не обратил внимания на эту несурязицу: ударить *милостью* по волнам.

Мало ли что пишут в районных газетах! — подумал я. — В столичных изданиях и даже в научных трудах встречаются *несурязицы*. Автор открытого письма высказал ту же мысль: *мало ли чего не понапишут в газете*, но, в отличие от меня с моим равнодушием к газетным *несообразностям*, он звонил редактору, добивался, чтобы те напечатали исправление. Исправления ему не напечатали, а кончается открытое письмо язвительным выпадом в адрес *филологов*: «А ведь филологи изучают (или проходят? — в смысле *проходят мимо*) древнерусский язык в институтах-университетах».

Зло, но справедливо, по крайней мере, в отношении филологов и вообще *гуманитариев* моего возраста, да и предыдущих поколений: мы пять лет протирали штаны и юбки на скамейках и стульях в гуманитарных *институтах-университетах*, и *прошли мимо* очень многих знаний.

Наши институты-университеты

Мы все помним и любим вставлять к месту и не к месту иронические пушкинские строки:

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь...

В моё время с *чем-нибудь* и *как-нибудь* в институт или университет, тем более в Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова, ни меня, ни других недорослей не приняли бы. На одно место претендовало несколько школьных выпускников, особенно много заявлений подавалось на филологический факультет, где на всех вступительных экзаменах абитуриенту нужно было получить только пятёрки, и надежда на успех могла быть только в том случае, если ты не лишь бы как, а очень даже обстоятельно к экзаменам подготовился — освежил в памяти то, чему тебя учили в школе, и самостоятельно *подтянулся* по гуманитарным предметам, ибо средняя школа чего-то явно не добавала тем, кто собирался в гуманитарии.

Если задуматься, обескураживает вот что: Пушкин, при своём не особо серьёзном отношении к учёбе, при своих *чему-нибудь* и *как-нибудь*, знал иностранный язык — он уже в *школьном возрасте* говорил по-французски, тогда как у нас, школу закончивших и поступавших на филологический факультет, разговорной практики не было совсем, мы умели читать, пользуясь словарём, наловчились делать грамматические упражнения, мы знали английский *книжно* — по школьным учебникам. Эти учебники были написаны *проверенными* советскими педагогами, которые, скорее всего, ни разу в жизни не встречались и не говорили ни с одним *носителем* английского языка. Более того, означенные учебники не давали представления даже о современном книжном языке, так как тексты были выбраны из устаревших романов, авторами коих были не лучшие в художественном смысле, а *идеологически близкие* нам западные писатели, например, *прогрессивная* писательница Этель Лилиан Войнич с романом «Овод» о революционной борьбе в Италии, *прогрессивный* же Теодор Драйзер, обличитель американских буржуазных нравов и член американской коммунистической партии.

Пушкин не имел высшего образования — *высшего* в том смысле, который мы в это слово вкладываем. В современном понимании, человек с высшим образованием — тот, кто имеет диплом установленного образца, удостоверяющий, что обладатель одного отучился пять положенных лет в таком-то высшем учебном заведении и прошёл полный курс таких-то дисциплин. Дисциплины, впрочем, не столь важны, как и оценки, по этим дисциплинам полученные. Главное — отбыл, пять лет высидел, и диплом на руках об этом свидетельствует, подписанный несколькими подписями и скреплённый печатью. Перед этим ты в обязательном порядке отсидел десять лет в школе. Итого: по совокупности двух сроков имеешь законченное высшее образование.

Пушкин, не имевший подобного диплома, был знаком, как это видно просто по его произведениям, с классической литературой, мифологией и философией, он знал западноевропейских авторов — лучших по таланту, а не по моральной устойчивости и идеологической выдержанности — качествам, необходимым для советских авторов и тех зарубежных, кого на русский язык удостоили перевести. Не будучи религиозным, знал Пушкин и письменный памятник, именуемый Библией; даже при написании «Гавриилады» он *отталкивался* от удивительной истории, в Библии изложенной, — истории о непорочном зачатии Иисуса.

Но что мы о Пушкине и о Пушкине? До Революции в классических гимназиях преподавали латынь и древнегреческий, церковнославянский и начала философии, так что выпускник был подготовлен к университетским гуманитарным факультетам. Правда, не могу не отметить, что обязательной дисциплиной в тех гимназиях был закон божий, гимназистов заставляли посещать церковь, и это не могло не угнетать юные души, умы и тела: ведь это утомляет и раздражает — выстаивать часами на нудных церковных службах. И от этого позже, в 1917 году, гимназисты были готовы

приветствовать любой государственный переворот, хоть с атеистами, хоть с Антихристом, хоть с чёртом лысым во главе, лишь бы освободиться от вечного хождения в *храм божий*, где от тебя требуют не просто стоять столбом, а надо проявлять благочестие, и, даже если в бога ты не веришь, нужно кланяться напоказ, в нужный момент осенять себя крестом, прикладываться к иконе, лобызать руки служителям культа.

В числе других я поступал и поступил в университет, повторяю — на филологический факультет, и никто из нас не имел ни малейшего представления о древнегреческом или старославянском, из латыни мы знали только что-нибудь расхожее вроде *in vino veritas* и *dum spiro spero*. На некоторых отделениях, в том числе на французском, помимо обычных групп, существовала *нулевая* группа: там студенты, ранее французский не учившие, впервые приступали к его изучению — это не где-нибудь на курсах, а в высшем учебном заведении!

Английскую грамматику мы осваивали по учебнику, составленному ещё в оны годы группой преподавателей из Педагогического института имени А. И. Герцена. Общий курс английского, включая разговорную практику, был разработан преподавателями Ленинградского университета имени А. А. Жданова. Другие преподаватели означенного университета, тоже в давние годы, написали для советских институтов и историю английского языка. Почему бы не взять английские учебники, выпущенные в Оксфорде или Кембридже? Затем, что вдруг авторы тех учебников — не *прогрессивные*, вдруг они *что-то не то* написали там на своём иностранном английском языке, что не сразу и заметишь, или вдруг они как-нибудь идеологически неверно вывернули свою грамматику и особенно историю своего языка. Зачем рисковать? Как у нас имелись во всех отраслях науки и техники собственные советские *Ньютоны* и *Платоны*, так были и собственные педагогические *кадры*, умеющие лучше изложить и ихнюю грамматику, и ихнюю историю, — кадры, пусть и не особо сведущие в разговорном английском, но *проверенные*, из штатных работников в педагогическом институте — имени Герцена, революционного демократа, или в Ленинградском университете — имени Жданова, видного партийного деятеля и верного ленинца.

Составляя любое заявление, заполняя любую анкету, ты каждый раз верноподданнически выписывал, что ты студент Ленинградского университета *имени А. А. Жданова*. За ошибки в английских упражнениях, за плохо подготовленный урок тебе снижали оценку, за пропуск занятий тебя отчитывали, а вот попробуй не посещать лекции по истории Коммунистической партии Советского союза, попробуй пропустить хоть один семинар по этому же предмету! Никто и не пробовал. На семинарах темы, озвученные на последней лекции, пережёвывались для лучшего усвоения, и от студента ждали, что он не просто поприсутствует, нет — ты не имел права *отсидеться*, ты должен был рано или поздно подать голос, что-то верноподданническое сказать, а лучше прочитать доклад на одну из заданных тем. Из пяти лет треть учебного времени, как минимум, ушла на историю КПСС, на марксистско-ленинскую философию, на марксистско-ленинскую политэкономию. А кроме этой псевдонаучной галиматии, сколько времени потрачено на комсомольские собрания, на бесконечные политические мероприятия: сходить на демонстрацию в годовщину Октябрьской революции, провести митинг в защиту Анджелы Дэвис, американской коммунистки... Не помню точно, проводилось, наверно, и какое-то атеистическое промывание мозгов? Ах да, в программе был курс научного атеизма.

На первом курсе для чтения нашей группе назначили роман «Овод» — вышеупомянутой Этель Лилиан Войнич. По этому не особо художественному произведению мы знакомились с литературным английским языком, тогда как в других

группах полгода, целый семестр, читали и обсуждали книгу «Убить пересмешника», оказавшуюся в университетской программе отнюдь не потому, что в ней много полезных английских слов и выражений, а потому что прогрессивная писательница Харпер Ли выступила против слепой ненависти к чернокожим. Кому-то дали читать «Тропю грома» — нужно ли добавлять, что и её автор, африканец из ЮАР, придерживался прогрессивных и даже левых взглядов, считался марксистом и активно выступал против расовой дискриминации. Нет, я не против перечисленных авторов и их книжек — пусть стоят в каждой библиотеке рядом с библиями и историями большевизма, пусть продаются в каждом книжном магазине, и пусть их берут, приобретают и читают все, кому хочется и нравится. Но это не *пособия* для университетского гуманитарного образования.

Не помню, на каком курсе и когда сдавали мы экзамен по зарубежной литературе. У входа в экзаменационный кабинет, как и везде, как и всегда, студенты волновались или делали вид, что не волнуются... Особенно боялись, что в билете попадётся роман Луи Арагона «Коммунисты» — произведение многостраничное, двухтомное и, как говорили, нуднейшее. Несмотря на страх, большинство из нас «Коммунистов» не прочитали и даже в руки не брали, дико надеясь на счастливый случай и везение. Видимо, перед экзаменом я нахватал каких-то сведений о романе по учебнику: хотя бы где всё происходит и кто главные герои? Сейчас не помню — ни персонажей, ни события... Напечатанный в Советском Союзе в 1953 году, означенный роман Луи Арагона, если не ошибаюсь, больше у нас не переиздавался — видимо, за отсутствием читательского интереса. А школьникам и студентам можно навязать что угодно — *изпод палки*, есть у них интерес, нет у них интереса...

И вот к тому времени, что было потеряно на *партийную учёбу*, добавляется время, потерянное на чтение третъестепенных книжек.

Через много лет после университета я впервые узнал, что был, оказывается, в Советском Союзе, помимо всяческих лауреатов, удостоенных Сталинской премии, настоящий писатель Андрей Платонов. Я впервые взял в руки и прочитал, помимо многих других неизвестных мне произведений, роман «Бесы» Ф. М. Достоевского и «Окаянные дни» И. А. Бунина, где автор вспоминает слова Ф. М. Достоевского в означенных «Бесах», что *мы надевали лавровые венки на вшивые головы*. Достоевский заглянул в будущее, — подумал я тогда: сказано как раз про советский образ жизни и коммунистические идеалы, когда верноподданная посредственность, если не ничтожество, могла, вступив в партию и произнося *правильные лозунги*, оказаться в героях, в государственных руководителях, в научных или литературных авторитетах, в списках на публикацию и награду. А студентам, и не только им, приходилось заучивать и повторять — в том числе на оценку и со страхом: как бы тебя не исключили! — изречения или писания означенных авторитетов. А потом их смели в мусор, вшивоголовых лавроносцев, и теперь их забыли или упоминают без священного трепета в биографических словарях — в массе других политических, общественных, научных или культурных деятелей.

Хотя их смели и подзабыли, у меня, не буду утверждать за других, осталось какое-то мерзостное ощущение от поклонов, приседаний и преклонений перед ложными идолами в лавровых венках на вшивых головах.

Физическое и духовное воспитание

По поводу мерзостных ощущений, остающихся у человека от домашнего физически-нравственного *воспитания*, от занудливых нотаций недалёких школьных педагогов, от промывания мозгов под видом культурно-воспитательной работы среди студентов, —

мне на память пришла исповедь героя в чеховской повести «Три года»: «Я помню, отец начал учить меня или, попросту говоря, бить, когда мне не было ещё пяти лет. Он сёк меня розгами, драл за уши, бил по голове, и я, просыпаясь, каждое утро думал прежде всего: будут ли сегодня драть меня? Играть и шалить мне и Фёдору запрещалось; мы должны были ходить к утрени и к ранней обедне, целовать попам и монахам руки, читать дома акафисты... Я боюсь религии, и когда прохожу мимо церкви, то мне припоминается моё детство и становится жутко».

Но подобное осталось в далёком прошлом! — скажут мне. Не уверен. Кто-то и сейчас *воспитывает* своих детей только битьём. И личным примером: если чьи-то родители курят, пьют и общаются в семье матерными выражениями, кому-то со стороны не так-то просто увещеваниями убедить ребёнка, что делать этого не надо. И лобызать руки попам и монахам восстанавливается обычай — в русле *нравственного воспитания* в современной русской школе. Я недавно прочитал в газете, опять же в районной: для проведения уроков по истории религии, или как она там официально называется, директор школы приглашает священнослужителя из местной православной церкви. Встречая попу в школьном здании, где коридоры обвешаны иконами и душеспасительными картинками, директор сама усиленно кланяется и целует ему руку. Детей на *уроке религии* она тоже заставляет подходить к *батюшке* и прикладываться к руке. А если кто не хочет? А разве может ребёнок в третьем или четвёртом классе *не хотеть* того, что ему велят в школе? Кто-то жалуется родителям, те возмущаются и пишут в вышестоящие инстанции, даже обращаются в суд. Но, глядя в официальные бумаги, поступившие *сверху*, с московских административно-педагогических высот, местные инстанции разводят руками: ничего не поделаешь, *нравственное воспитание* не директор придумала, оно включено министерством в школьную программу! Понятно, что в административно-педагогических верхах, когда сочиняли означенную программу, руколобызание не предписывали, но, если бы они были настоящими педагогами со знанием человеческой природы, они должны были предвидеть, в какой форме, с какими извращениями и перегибами, и с какими последствиями религию будут *преподавать* в учебных заведениях здесь и там, и особенно в отдалённых и не совсем русских уголках нашей необъятной России.

Некто Левин из высокой будки

А кроме неприятных воспоминаний о вынужденном лакействе — жаль потерянного времени. Читать-то нужно было А. Платонова, И. А. Бунина, древнегреческих, а не коммунистических философов, запоминать слова, выражения и истории из Библии, а не из многочисленных ленинских брошюр и карло-марксовских статей...

Среди разных дисциплин был у нас какое-то время готский язык. Учёба шла туго. Одна из причин: не доставало немецкого языка. Хотя в конце университетской учёбы я получил специальность филолога-германиста, немецким языком мы не занимались. Зная немецкий, мы бы узнавали в мёртвом готском языке что-то созвучное, чувствовали или хотя бы угадывали родственное. Помню, как с натугой переводили мы текст из Евангелия — а поскольку с натугой, через силу, возникало раздражение: зачем нам мёртвый язык? Должен признаться, была и ироническая усмешка в таких случаях, как у преподавателей, так и у студентов: какой-то религиозный вымысел приходится разбирать, нам, атеистам с материалистическим мировоззрением, живущим в век науки и техники.

В случае с готским — от мёртвого языка немного что осталось, основным письменным памятником является Библия, вернее, отдельные куски Библии, дошедшие до нашего времени. В переводимом отрывке было что-то про поток Кедрон, и кто-то

взял меч и отсёк кому-то ухо... У нас не происходило узнавания, что делало бы учёбу не такой трудной и тягостной. Студент, со школы знакомый с библейскими историями, что-то из Библии запомнивший благодаря гибкой и восприимчивой памяти, сказал бы: А, так здесь про то, как Иисус был предан и схвачен — он вышел с учениками за поток Кедрон, где был сад. Туда явился Иуда с отрядом воинов и церковных служителей. Один из учеников Иисуса имел при себе меч, он отсёк ухо служителю... И, ободрённый тем, что смысл старинного текста поддаётся осмыслению и расшифровке, студент положил бы рядом с учебником, для сравнения, русскую Библию, раскрытую на Евангелии от Иоанна... А почему, собственно, мы не использовали такой простой и, в общем-то, единственно правильный *сравнительный* приём на уроках готского языка? Потому что на филологическом факультете не было библий. Я не уверен, была ли Библия под запретом, не знаю, что говорилось по поводу Библии в советских законах, не берусь утверждать, было ли опасно советскому гражданину иметь, хранить у себя Библию, но — библии не печатались в государственных типографиях, их не продавали в книжных магазинах, их не было ни в одной библиотеке.

Мы изучали историю и литературу Англии, не зная и не собираясь знать один из главных письменных памятников английского языка, — Библию короля Якова. В то же время на русском отделении преподаватели и студенты как-то изловчились при изучении старославянского обходиться без церковнославянской Библии, они исследовали древнерусскую литературу, состоящую, в основном, из религиозных текстов, без Библии, не сверяясь с Библией, вне Библии.

В учебнике по истории английского языка подробно рассказывалось о фонетических особенностях древнеанглийского языка, обстоятельно описывались германские гласные и согласные дописьменного периода, в таблицах досконально прослеживалось, какие монофтонги становились дифтонгами, какие согласные в каких древнеанглийских диалектах оглушались или озвончались, и было в отдельных главах про сонанты и палатальную перегласовку... Подождите! — мне скажут: а откуда такие точные сведения о *звуковых* особенностях мёртвого древнеанглийского языка, особенно в *дописьменный* период? Кто-то из англосаксов начитал для потомков тексты на диктофон, кто-то оставил нам запись речей и говорюв на магнитном носителе? Или смелого современного фонетиста посылали на машине времени в прошлое? Ответу: никто ничего не записывал и не мог записать. Догадки, предположения и, вполне возможно, домыслы какого-то кабинетного филолога из девятнадцатого века стали со временем непреложными утверждениями, удобными, в общем-то, для обучения, построенного на бездумном зазубривании того, что напечатано в учебнике.

В отличие от проработки *звуков*, учебник местами мало что сообщал о *словах и выражениях*, например, в той части, которая касалась развития английского языка в колониях и на зависимых территориях. Помню, что в статье, посвящённой английскому языку в Ирландии, не было *ни одного* англо-ирландского слова, зато давались *правильные* политические оценки, как в какой-то пустой пропагандистской брошюрке: английский язык насаждался в Ирландии английским правительством, он внедрялся путём административных распоряжений, в конце девятнадцатого века борьба за ирландский приняла организованные формы...

Перелистывая в наши дни «Практикум по истории английского языка», изданный в те времена Ленинградским университетом, я опять удивился обилию объяснений, упражнений и заданий по поводу *фонетики* давно прошедшей эпохи с углублением в *диалектные* различия. А потом я наткнулся на совсем короткий текст, выдержку, как указывалось, из *древнеанглийского Евангелия* (которое, уточню, восходит к десятому веку). Собственно, приводилось всего одно предложение. К нему давался перевод на современный английский: «And when he went further he saw Levin Alphei sitting at his tall

booth...» В пояснениях имелся список сильных древнеанглийских глаголов, в исходном тексте использованных. В прилагаемых заданиях от студента, в частности, требовалось *объяснить закономерные фонетические изменения* в выделенных словах. Но не объяснялось, о ком идёт речь: *кто* увидел. И не объяснялось, *кого* увидели: кто такой *Левин Алфей* (Levin Alpheï). И что это за *высокая будка* (tall booth) — так переведено в указанном пособии древнеанглийское *sep-setle*.

Когда-то мы и студенты до нас, и студенты после нас читали, не вникая, про этого *Левина*, пробегали глазами, не задумываясь и не понимая, про эту *высокую будку*. А если мы не вникали, зачем нам всё это нужно было читать? И если не задумываться над прочитанным, зачем тогда вообще учиться?

И только сейчас я могу дать объяснения, которые должны были дать студентам составители пособия, педагоги из нашего Ленинградского университета имени А. А. Жданова. Текст не просто из Евангелия, а из Евангелия от Марка, это рассказ о том, как Иисус Христос призвал мытаря Левия к себе в ученики. По Синодальному переводу: Проходя, увидел Он Левия Алфеева, сидящего у сбора пошлин (Мар 2:14).

Почему в древнеанглийском *Levin Alpheï*? Потому что, делая перевод с латыни, англосаксонские *толковники* сохранили имя в его латинском написании. На латыни: *et cum praeteriret vidit Levin Alpheï sedentem ad teloneum*.

А почему составители «Пособия» перенесли *Levin Alpheï* в свой *современный* перевод? Ведь это грамматическая ошибка. Латинская фраза *vidit Levin Alpheï* значит: (Иисус) *увидел Левия* (сына) *Алфеева*. Он увидел — *кого*? Имя мытаря на латыни стоит в винительном падеже: *Levin*. В именительном оно — *Levi*, и только эта форма уместна в современном английском.

Если не имеется достаточных знаний в латыни, филолог просто берёт английскую Библию, например, каноническую англиканскую (утверждённую при короле Якове), открывает Евангелие от Марка и читает, и находит именование означенного мытаря, то есть сборщика пошлин: *Levi, the son of Alphaeus* — а никак не *Levin Alpheï*. Полностью: *And as he passed by, he saw Levi the son of Alphaeus sitting at the receipt of custom*.

Если бы достаточные знания имелись, — как в латыни, так и в библейских текстах, — филолог для сравнения обратился бы к другому евангелисту, а именно к Луке, который рассказывает эту же историю чуть иначе: «*vidit publicanum nomine Levi sedentem ad teloneum*». У Луки имя мытаря — в именительном падеже: (Иисус) увидел откупщика по имени *Левий*, сидящего в лавке на сборе податей. И сомнения, если они имелись, отпадают. Сравним, в Синодальном переводе: «увидел мытаря, именем *Левия*, сидящего у сбора пошлин» (Лука 5:27).

А что за загадочная *tall booth* (высокая будка), тогда как в русском Синодальном переводе и в Библии короля Якова мы только что прочитали о *сборе пошлин* (receipt of custom)? Здесь наши советские специалисты по истории английского языка допустили ещё одну ошибку, библейского текста *не чувствуя*. На эту ошибку им не указали рецензенты, все сплошь кандидаты и доктора филологии, и редактор, тоже, как я знаю, филолог, не сказал: вы перепутали существительное *toll* с прилагательным *tall*! Ошибку не устранили корректоры, тоже, возможно, выпускники какого-то *языкового* института. Помните выпад рассерженного читателя в адрес редакционных и типографских *филологов*?

Латинское *teloneum* (пункт по сбору податей) и соответствующее ему древнеанглийское *sep-setle* передают в современных британских и американских библиях по-разному. Кроме *receipt of custom* (получение пошлин) есть вариант *the place where taxes were taken* (место, где собирали подати). Следующие варианты перевода приближают нас к объяснению ошибки: *the tax-office*, *the toll office*, *the place of toll*, где *toll* (пошлина, подать, денежный сбор) и есть нужное слово для сочетания *toll booth*. И

теперь мы понимаем: это не *высокая* (tall) будка, а будка, или, если хотите, *лавка для сбора пошлин*. В прошлые времена в России были *меняльные лавки*. Сказать про будку мытаря Левия — *мытная лавка*? Такого названия как будто не было в русском языке. Сказать *мытная*? Однако, словари сообщают, что так называли таможеню. Видимо, поэтому в Синодальном переводе, избегая слов *будка, лавка, мытная*, написали, что Левий сидел у *сбора пошлин*.

Кстати, богослов Викильф (ок. 1320–84), сделавший перевод латинской Библии на английский, использовал здесь *tolbothe* — что в современном написании будет как раз *toll booth*: «And whanne he passide, he saiȳ Leuy of Alfei sittynge at the *tolbothe*.»

Нужно ли так копать, изучая историю английского языка, особенно копаться в давних переводах Библии? Отвечу: по-моему, именно такой разбор и нужен, если мы изучаем историю английского языка, — разбор на уровне слов и выражений, тогда как существующие учебники и пособия уделяют неоправданно много внимания и тратят время на предполагаемые и недоказуемые фонетические *перегласовки, палатализации, дифтонгизации, великий сдвиг гласных*... И мы сейчас на самом деле не *копались*, мы только коснулись темы. Мы слегка дотронулись, мы поверхностно коснулись всего к одному предложению — обнаружив в нём очевидные ошибки.

Да, в популярном самоучителе или в книжонках для тех, кто желает всего за неделю *научиться по-иностранному*, подобные темы и разборы не нужны, но мы указываем на текст из университетского учебника, и история английского языка — утверждённая дисциплина на филологических факультетах в университете, в педагогических институтах и где-то ещё, где по программе высшей школы изучается английский язык. Студенты по-прежнему читают про *Левина*, сидящего в высокой будке. А то и сидящего на троне! Высокая будка-то по-прежнему возвышается... В каком смысле?

В таком, что если взять «Практикум для вузов по истории английского языка», пособие, вышедшее в Москве в 2008 году, на странице сорок четвёртой напечатан этот же отрывок с той же ссылкой на *древнеанглийское Евангелие*. И приводится тот же современный перевод с *высокой будкой* — без указания, что он позаимствован из пособия моих университетских учителей. А то, что он позаимствован, просто скопирован без какого-либо осмысления, доказывается этой самой будкой: *tall booth*. Повторяется та же ошибка, и ошибка *выдаёт* источник. Списаны с некоторыми изменениями и задания — в основном фонетические.

Другой практикум по истории английского языка, выпущенный в Саранске, в 2012 году, подготовлен преподавателями Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва. И здесь мы обнаруживаем пережёванное нами предложение из *древнеанглийского Евангелия* — как текст номер семь. Каких-либо уточнений и необходимой ссылки на библейский источник нет. Перевод на современный английский не даётся, но в помощь студентам, чтобы сами переводили, в списке слов *ser-setle* объясняется как *возвышение, трон*. Оное *объяснение* показывает, что в Саранске филологи тоже не знают Библию, хотя сейчас, в наши дни, как я понимаю, преподавателям и студентам на филологических факультетах она доступна, и никто не заставляет их читать *партийные книжки*, сильно отвлекая от учёбы. Для них отрывок, переписанный из ранее составленных и напечатанных пособий, — что-то *древнеанглийское* про какого-то *Левина Алфеина*, сидящего где-то на возвышении, а, может, и на троне. И, как в предыдущих пособиях, после текста из одной непонятой фразы на нескольких страницах подробнейшим образом исследуются *фонетические особенности* древнеанглийского языка, в том числе *сужение гласного* в корне первого класса слабых глаголов в *доумлаутный период*...

Древние англосаксы в гробах переворачиваются, узнавая столько тонкостей, им неизвестных, о звуковом составе их речи.

А не получается, что усилия, потраченные на предполагаемую и недоказуемую фонетику, в том числе диалектную, отвлекают от того, чтобы вникать в смысл?

Если ещё немного остановиться на одном этом предложении: откуда саранские филологи взяли значения *возвышение, трон*? Из какого-то другого пособия советских времён? В Словаре англосаксонского языка (Лондон, 1838) *ceapsetl* в написании *ceapsetl* объясняется как *a stall* — что значит *ларёк, киоск, торговая палатка*. Джозеф Босворт, составитель словаря, при этом просит посмотреть другой вариант написания: *ceapsetl*. И, не поленившись, мы смотрим и читаем, что словом *ceapsetl* англосаксы называли торговую точку: *a tradesman's booth, stall or shop*. Здесь нет *возвышений*, всё вращается вокруг торговли и *базара* (*ceapstow*). Это подтверждается соседними словами: *cearman* (купец, торговец), *ceap-sceatul* (со значениями: *будка для сбора пошлин, таможня, базарная лавка*). В первой части слова тот же корень, что в глаголе *searan* — с вариантом *sieran* и значением *торговать*. Похоже, в городе Саранске, в учебном заведении имени Н. П. Огарёва, решили, что в предложении, взятом из Евангелия, некий *Левин* был царём, восседающим на троне.

Ходили мы в филологию, как некто в крыловской басне ходил в зоопарк, увидели там всяких мелких бабочек и букашек, мушек, блох и пташек, а слонов не заметили?

Падение мелких пташек

Хотелось бы того, чего никогда не было и не будет: чтобы учёбе не мешали идеология, религия и чрезмерно рьяные педагоги. По поводу идеологии — к тому, что уже было сказано прежде: в мои студенческие годы наши учителя ещё не вполне отошли от псевдонаучных домислов и выдумок *академика* Н. Я. Марра, явного лавроносца с вшивой головой. Наши учителя не совсем опомнились: как же так, в молодости на протяжении целых двадцати лет их заставляли вызубривать то, что называлось *марксистским языкознанием*, а потом, в 1950 году, марризм был признан ложной теорией, и можно было вычеркнуть из памяти и забыть навсегда марровскую галиматью. Но человеческий мозг — не доска в школьном кабинете, когда вы, взяв в руку мокрую тряпку, стираете всё, написанное мелом. По поводу религии не буду повторяться: по большому счёту, религия — та же идеология. Простаивать на церковных службах, верить в знамения, кланяться святым образам? — образам, которые рукотворны, вырублены из дерева и покрыты золотом. Кстати, убедительней любых атеистических доводов звучит следующее место из Ветхого завета:

«Не учитесь путям язычников и не страшитесь знамений небесных, которых язычники страшатся. Ибо уставы народов — пустота: вырубает дерево в лесу, обделывают его руками плотника при помощи топора, покрывают серебром и золотом, прикрепляют гвоздями и молотом, чтобы не шаталось. Они — как обточенный столп, и не говорят; их носят, потому что ходить не могут. Не бойтесь их, ибо они не могут причинить зла, но и добра делать не в силах» (Иер 10:2–5).

А рьяные педагоги — это те твердолобые, что настаивают и в обсуждениях берут верх со своей ложной теорией, что народное образование должно быть всесторонним, и чем больше предметов в средней и высшей школе, тем больше знаний будет у учеников, и чем дольше ученик корпит каждый день над учебниками, и чем больше лет он проводит в стенах учебного заведения, протирая штаны на стульях и лавках, тем шире и глубже его знания. И тем лучше для него, и для всех, и для общества в целом.

Хотелось бы, чтобы те, кто настроился на гуманитарное образование, последние два года в школе оставили бы алгебру, тригонометрию, геометрию, физику, химию... Частично или полностью? Полностью, ибо эти предметы никогда им не понадобятся и не пригодятся. И учили бы они языки, родной и иностранные, живые и мёртвые,

занимались бы историей, философией, читали бы Библию — и по-русски, и по-английски, и на латыни...

Даже на уровне отдельных слов и словосочетаний знающий языковед почувствует: в названиях следующих английских романов — намёк на какое-либо библейское речение, отсылка к Библии или фраза, целиком взятая из Библии: *Heart of Darkness*, *Back to Methuselah*, *Ecce Homo*, *The Power and the Glory*, *Quo Vadis*, *Vile Bodies*, *Way of All Flesh*, *Evil under the Sun*, *The Sun Also Rises*, *East of Eden*, *Lord of the Flies*, *Jacob's Ladder*, *The Prodigal Son* (сейчас не имеют значения авторы перечисленных книг, хорошо или мало известные, и не будем разбираться, как название соотносится с темой и идеей каждого произведения). *Ярмарки тщеславия* нет в Библии, но, называя свой роман *Vanity Fair*, писатель У. М. Теккерей, намереваясь показать суетность человеческих деяний и стремлений, позаимствовал эту фразу у проповедника Джона Баньяна (John Bunyan), который в своём аллегорическом произведении «Путь паломника» пишет: «Увидели они град перед собой, и имя граду тому Тщеславие; и в граде том устроена ярмарка с названием Ярмарка Тщеславия».

В своё религиозное время Уильям Шекспир не считал нужным отвечать низкие поклоны священнослужителям и осенять себя крестным знамением перед каждой из многочисленных лондонских церквей. Мы не видим никакой религиозности в его произведениях — что способствует их долголетию, но у Шекспира — сотни прямых и скрытых ссылок на библейские рассказы или высказывания. Они узнаваемы, если вы, как и Шекспир, читали Библию.

Гамлет перед дуэлью с Лаэртом жалуется своему другу Горацио, что ему тяжело на душе, Горацио предлагает отменить поединок, на что Гамлет отвечает: ни в коем случае, мы предчувствиям бросаем вызов: «Not a whit, we defy augury. There is special providence in the fall of a sparrow.»

Пьеса знакома нам по переводу М. Л. Лозинского, у него в этой сцене Гамлет говорит: «Отнюдь; нас не страшат предвестия, и в гибели воробья есть особый промысел.»

Что за воробей, почему воробей? Предсказуемый ответ: потому что так в оригинале: *the fall of a sparrow*, буквально *падение воробья*. Кто-то из читателей пробегает глазами, не вдумываясь особо, а слушатели в театре *схватывают* общий смысл, не имея времени вдуматься. В общем и целом, мы чувствуем: здесь подразумевается судьба, или, иными словами, божественный промысел: по воле судьбы всё происходит, даже гибель воробья предопределена...

Почему всё-таки воробей? Для примера о неотвратимой судьбе можно было назвать голубя, горлицу, ворону, ласточку, синицу, дрозда... У Шекспира рассуждения Гамлета навеяны библейским текстом: Иисус, по Евангелию от Матфея, утверждал, что у человека все волосы на голове сочтены, то есть, всё в руках Бога, и даже воробей не падёт на землю без его воли: «Are not two sparrows sold for a farthing? and one of them shall not fall on the ground without your Father?»

В Синодальном переводе мы читаем: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без *воли* Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц» (Матф 10:29-31).

Не знаю, почему английскому *воробью* соответствует в русской Библии *птица малая*. Во всех английских переводах именно *sparrow* — повторением древнегреческого *στρουθός* и латинского *passer* (воробей): «nonne duo *passeres* asse veneunt et unus ex illis non cadet super terram sine patre vestro.» Но, мне кажется, для узнавания или для подсказки, что здесь отзвук древнего писания, в русском переводе «Гамлета» вместо *воробья* должна быть *малая птица*: без веления судьбы и малая птица не упадёт на землю.

Милость от Пушкинского дома

Так, а что с милотью? Слово *милоть* связано именно с той чудесной историей, которую вспоминает русский паломник Даниил, оказавшись около брода через Иордан: когда Иегова захотел вознести пророка Илию на небо, он велел ему придти к Иордану, куда Илия и явился в сопровождении *своего человека* Елисея. Пророк носил милоть — простое одеяние, скроенное из овечьей шкуры. Древнегреческое *μλωτή* и значит *овечья шкура*. Читаем во второй главе Четвёртой Книги Царств, дабы восстановить цепь событий:

«И взял Илия милоть свою, и свернул, и ударил ею по воде, и расступилась она туда и сюда, и перешли оба посуху. Когда они перешли, Илия сказал Елисею: проси, что сделать тебе, прежде нежели я буду взят от тебя. И сказал Елисей: дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне. И сказал он: трудного ты просишь. Если увидишь, как я буду взят от тебя, то будет тебе так, а если не увидишь, не будет. Когда они шли и дорогою разговаривали, вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо» (4 Царств 2:8-11).

Как мы уже знаем, одеяние Илии досталось Елисею.

Милоть встречается ещё два раза, опять в связи с Илией, в Третьей Книге Царств, потом мы находим это слово уже в Послании к Евреям: в одиннадцатой главе апостол Павел перечисляет подвиги, странствия и страдания ветхозаветных пророков: «другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления» (Евр 11:36-37).

Я ссылаюсь сейчас на Синодальный перевод. Если сравнить с Елизаветинской Библией, ему предшествовавшей, в истории с вознесением Илии имеются определённые разночтения, которые мы не будем обсуждать; нам достаточно убедиться, что *милоть* присутствует и в церковнославянском тексте. Я не уверен, встречалось ли это слово у древних русских авторов — помимо «Хождения игумена Даниила» и вне отмеченных библейских цитат.

Слово действительно редкое, так что я успокоил бы придирчивого читателя районных газет следующим доводом: даже из столичных филологов не каждый знает *милоть*, даже академики-русисты из Пушкинского дома могут ошибиться, подумав, что Илия с Елисеем, а потом один Елисей перешёл через Иордан благодаря *милости божьей*.

Или такой довод не успокоит, а ещё сильнее рассердит упомянутого читателя: что, и в Пушкинском доме, то есть, в Институте русской литературы при Академии наук, и там путают *милоть* с *милостью*?

К чему я клоню, на что намекаю или, может быть, даже посягаю? Нет, с моей стороны никаких намёков и тем более посягательств... Просто, желая ознакомиться с каким-либо древним русским литературным памятником, я не стану обращаться к районным или областным источникам или публикациям, я беру тщательно подготовленное многотомное издание Пушкинского дома, а именно «Библиотеку литературы Древней Руси», где, если продолжить сегодняшнюю тему, «Хождение игумена Даниила», известное также как «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли», приводится в четвёртом томе — в оригинале с переводом на современный русский язык, с подробными примечаниями и пояснениями. И, чтобы сегодняшнюю тему как-то закрыть, перечитаем уже известный нам отрывок с описанием иорданской купели: «И ту есть купель на Иордане, и ту ся куплють христиане приходяще...» Собственно, незачем воспроизводить всё полностью второй

раз. Единственное отличие: мы писали выше *ся купают христиане*, тогда как в академическом издании *ся куплють христиане*. Спорить не стану, я учился на английском отделении, и специалистам по *русскому языку* лучше знать, какая здесь была или должна быть грамматическая форма: паломники *купаются* или *куплются*.

Что продумано и очень удобно для читателя в означенном академическом издании: перевод даётся на соседней странице, сразу, не надо искать где-то в конце тома. И вот, пожалуйста, глава о купели иорданской в современном переводе под заголовком «О купели». Вообще, в *современном* нашем понимании, *купель* — рукотворная вещь, это чашеобразный сосуд для крещения в христианских церквях. Чаша или, скажем так, ванна для омовения стояла у брода через Иордан? И в неё *окунались* паломники? Нет, игумен Даниил имел в виду заводь, водоём на Иордане, где омывались паломники. Заглянем для проверки в «Словарь Академии Российской», в первое его издание:

Купель 1. пруд, озеро, водоём. 2. Сосуд, наполненный водой, в который погружает священник крещаемого.

Ладно, я не стану придираюсь: пусть будет *купель*, читатели как-нибудь сами догадаются, что это на самом деле водоём. Приведу для обсуждения весь *современный* перевод:

«И есть здесь купель на Иордане, и там окунаются христиане приходящие. Там же брод через Иордан в Аравию. На том месте Иордан расступился в древности перед сынами Израилевыми, и прошли люди посуху. Тут же и Елисей ударил милостью Илии по воде, и перешли Иордан посуху...»

Почему *перешли* посуху? — *перешёл* только Елисей, в единственном числе, Илия перед этим вознёсся на небо. Похоже, и в Пушкинском доме Библию не читали... А, они исходят, видимо, из грамматики: *проидоша* людие по суху; Елесей удари милотию Илииною в воду, и *проидоша* Иордан по суху — в обоих случаях глагол *проидоша* (прошли, перешли), во множественном числе.

А из какой грамматики нужно исходить? Вернее, какой текст считать грамматически правильным? Игумен Даниил ходил в Святую землю в начале двенадцатого века. Одни исследователи называли 1113–1115 годы, по другим подсчётам, это были 1106–1108 годы. По мнению пушкинистов, то есть, русистов из Пушкинского дома, путешествие, скорее всего, имело место в 1104–1106 годах. В любом случае — на каком языке написано «Хождение»? Как я понимаю, на древнерусском. Или на старославянском? Или, поскольку Даниил был священнослужителем, он предпочёл изложить свои путевые заметки на церковнославянском? Я как-то задался этим вопросом, но как-то не нашёл ответа. Зато мне попался научный материал известного московского филолога, который, в отличие от известных петербургских филологов, считает «Хождение» литературным памятником, *современным* Ивану III и Василию III, то есть совсем из другого времени: «В эпоху Ивана III (1462–1505) и Василия III (1505–1533) творил великий московский иконописец Дионисий и его сын Феодосий. Современными им были замечательные литературные памятники: «Хождение игумена Даниила», знаменитое «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, прошедшего в 1466—1472 гг. путь в Индию через Волгу...»

Дабы совсем не запутаться, буду полагаться на сведения Пушкинского дома: рукопись Даниила сохранилась во множестве списков и в нескольких редакциях, но «древнейшие из списков восходят... не к XII веку, но только ко второй половине XV века». Итак, неизвестно, на каком языке, руководствуясь какой *грамматикой*, писал Даниил. За триста лет, по мере того, как менялся язык, путевые заметки игумена переписывались и, видимо, грамматически подновлялись разными писцами с разным пониманием правописания. И надо учитывать, где, в какой области жил писец, и, что тоже существенно, чем они тогда писали? — даже, наверно, не гусиными перьями. Я к

тому, что попробуй разбери *рукописный* текст тех времён и попробуй определи, где там правильная грамматика, где ошибки или описки, а где что-то чернильно-неразборчивое. Так что, я считаю, нужно в таких случаях всё-таки не на грамматику полагаться, а на Библию. На церковнославянском в Четвёртой Книге Царств о пророке Илии с Елисеем написано: «и *проеидоста* оба по суху» (4 Царств 2:8), о переходе Елисея через Иордан: «И удари Елисей воды, и разступишася сюду и сюду, и *прейде* Елисей по суху» (4 Царств 2:14). Да, во множественном и единственном числе глагол должен иметь и имеет разные формы. И, полагаю, в утерянном первоисточнике у грамотного Даниила глагол во втором случае стоял в нужной форме, в единственном числе.

А что касается милоти — да, и в академическом издании Пушкинского дома, в их переводе древнерусского текста на современный язык, написание *милость* — как в той районной газетке.

Опечатка! Но в конце тома, в примечаниях, есть объяснение, что это *овчина*, а написание опять *милость*: «Пророк Елисей, согласно Четвёртой Книге Царств (2, 14), подобрал упавшую с уносимого в огненной колеснице на небо пророка Илии милость (овчину), ударил ею по воде Иордана, река расступилась перед ним, и он перешёл по суху на другой берег».

А почему *милость*? Наверно, по той же причине, о которой мы говорили выше: филологам в их институтах-университетах нужно было в период их учёбы читать Библию и другие письменные памятники, а не партийную литературу и вышеупомянутых *прогрессивных* авторов. И учиться в своё время надо было не *марксистскому* языкознанию от юродствующего *академика* Н. Я. Марра, а родному языку, русской литературе со времён её возникновения, современным иностранным языкам, латыни...

И что дальше? Ничего. Не вырубишь топором, коли что написано пером, и тем более, если напечатано типографским способом. В отличие от многократно упоминаемого рассерженного читателя, я не собирался и не собираюсь писать и указывать кому-то на ошибки, или просить опровержения. И, глядя со стороны, кто-то, может быть, найдёт, что это я ошибаюсь, а не дипломированные знатоки русского языка, готовившие «Хождение Даниила» к публикации.

Конечно, по большому счёту, это всё слова, как сказал шекспировский Гамлет, тоже сегодня упомянутый. В гуманитарных дисциплинах не как в точных науках и в технике, где ошибка, допущенная по ходу рассуждений или расчётов, ведёт неизбежно к ошибочному результату. Если обдумывать подолгу каждое слово, если взвешивать его и примерять по семь раз, перед тем, как вставить в свою речь или в письмо, тогда немного мы наговорим и мало что напишем. Знаю, что кто-то *борется* за правильное употребление слов и выражений, за правильное ударение в словах и, в целом, за *чистоту* языка. Кто-то предлагает и *наказывать* за словесные ошибки. Я отнюдь не с ними. Пусть хоть все пишут с грамматическими и смысловыми ошибками и говорят с неверным ударением, лишь бы орфография не стала мерилем для определения верноподданности и патриотизма. Что я имею в виду? Были времена, когда одно *необдуманное* слово имело для человека печальные, а то и роковые последствия. Ты, например, написал *не так* какое-то слово: в школе тебя учили писать его с прописной буквы, а потом оказывается, что нужно писать со строчной, или наоборот, то, что писали со строчной, теперь приказано писать с прописной: ты зазевался, ты не заметил, как правописание пересмотрели и изменили в связи с тем, что круто поменялась власть и изменилась идеология. Или человек произнёс какое-то слово без должного почтения или, наоборот, не вложил в него должное осуждение, — в зависимости от принятых установлений, и — взяли человека, и повлекли, и заковали в железа, и ввергли в узилище, назвав его вероотступником, не почитающим бога и первосвященников, или

изменником, замышляющим против помазанника божьего, или врагом народа, отщепенцем, ненавидящим отечество. Не хочется, чтобы такие времена повторились.

Хляби небесные и водопады словесные

То ли облака, то ли болота

Спросим у человека образованного или хоть у кого из малообразованных, и человек обнаружит в памяти слово *хляби*: да, знаю такое. А что оно значит? И кто-то набирает уверенно воздух в лёгкие, собираясь с ходу дать ответ, ибо про *хляби* он не только слышал, но и в какой-то литературе встречал, в художественных произведениях или в журнально-газетных статьях, в том или ином словаре он, возможно, когда-то уточнял значение *хлябей* или, может быть, даже в обсуждение и спор с кем-либо вступал: как понимать *хляби* и как правильно использовать.

Я спросил у нескольких человек. Однако, *с ходу* ответ ни у кого не получился. Всё-таки, вдохнув и выдохнув, люди думали хоть сколько перед тем, как ответить: «Это что-то мокрое, хлюпает.» Или: «Это облака.» Прозвучало вполне уместное объяснение: «Так говорят, когда идёт сильный дождь: разверзлись хляби небесные!» Кто-то связал, тоже уместно, *хляби небесные* с Библией: «Это о всемирном потопе.» Кто-то вспомнил словарное объяснение: «*Хлябь* значит *бездна*.»

Любитель поэзии, скорее всего, скажет: «Хлябью называют морскую пучину.» И, может быть, даже приведёт следующие строки из Евгения Баратынского, из его стихотворения «Буря»:

Завыла буря; хлябь морская
Клокочет и ревёт, и чёрные валы
Идут, до неба восставая...

Не хочу показаться всезнайкой, который иронически выслушивает неправильные ответы или приблизительные догадки. Я спросил, и довольно давно, прежде всего, самого себя: редкое *хляби*, слово архаичное, слово старославянское, должно иметь одно значение и однозначное объяснение, а почему у всех и у меня при упоминании *хлябей* каждый раз возникают зыбкие предположения и рисуются неясные образы? — от разверзающихся облаков до хлюпающих болот.

Если в очень дождливый день кто-то пошутит: «Разверзлись хляби небесные!» — смысл высказывания понятен: нам сообщают, что на улице сильный дождь, ливень. А объяснять отдельные слова — вроде как и не возникало необходимости: *разверзлись* значит *отрылись*, а *хляби* — это... Это то, что я выше перечислял, но привёл лишь часть ответов на свой вопрос: мокрота, влага, что-то мокрое и хлюпающее, морские пучины, болотные трясины, топи, облака... Ниже мы узнаем, что, по мнению некоторых профессиональных знатоков русской словесности, это также водные глубины, речные стремнины и скалистые обрывы!

Придётся снова заглянуть в словарь, и лично я предпочитаю С. И. Ожегова с его доходчивыми объяснениями — короткими и понятными, тогда как в иных словарях, в том числе в «Толковом словаре» В. И. Даля, подчас из-за чрезмерного количества схожих по смыслу слов, привлечённых для толкования, смысл расплывается.

Мы узнаём в словаре С. И. Ожегова, что *хлябь* (во множественном числе *хляби*) имеет значение *бездна*, *глубина*. Приводятся два примера: *Хляби морские*. *Хляби небесные разверзлись* (о сильном дожде).

Итак, не *мокрота*, а *бездна*. Поскольку употребление *хлябей* связано, как мы понимаем из прочитанной словарной статьи, с морем и дождём, объяснимо, почему нам домысливаются различные мокро-хлюпающие объекты, стихии и явления.

Вопрос, вроде бы, решён, правильный ответ: *бездна*, *глубина*. А если что кому домысливается, это его личная игра воображения, но не повод вносить домыслы в толковые словари.

Непогода со слякотью вкупе со стремнинами

Но почему, получив доходчивый ответ, мы всё равно сомневаемся, почему мы вроде верим и не верим? А! — потому что мы уже заглядывали в другой словарь, более популярный. Точнее, он более доступный и даже, скажем так, более навязываемый. Он написан и издан в наши дни, так что возникает предположение, будто *он вобрал в себя многое и, наверно, лучшее, из ранее изданных справочников, и он*, как мы полагаем, *отражает нынешнее состояние русского языка*. Этим, повторяю, популярным и очень навязываемым является «Новый словарь русского языка», составленный Т. Ф. Ефремовой. Находим нужное нам словарное гнездо:

Хляби 1. *ж. разг.-сниж.* 1) непогода с дождём и слякотью. 2) жидкая грязь, топь. 2. *ж. устар.* 1) а) бездна. б) водная глубина. 2) потоки бурлящей воды; стремнина.

Вот как? Непогода, грязь, топь, глубина, потоки... Правда, под разными цифрами, то есть, не как синонимы, а как разные значения.

И наше подозрение перерастает в уверенность: с *хлябями* не всё так просто, и вопрос с *хлябями* до сих пор не решён. Точного и однозначного ответа на поставленный вопрос мы не получаем. Фраза *разверзлись хляби* предполагает, что пошёл дождь — с неба, а нам указывают на что-то преимущественно земное, вплоть до грязи. Восстановим в памяти библейское речение и заменим *хляби* каким-либо из только что предложенных толкований. Разверзлась *непогода*? Нет, из перечисленных вариантов разверзнуться может *бездна* — скорее в переносном смысле, а не буквально. *Жидкая грязь* и *топи* — стоячие, а *стремнина*, как я понимаю, — бурное течение воды в узком месте: неужели и первое и второе можно одинаково назвать хлябями? *Водная глубина* — у любого водоёма, вплоть до большой лужи, почему тогда С. И. Ожегов ограничился *хлябями морскими*?

Столь же популярен в наши дни и доступен всем пользователям другой словарь, составленный той же Т. Ф. Ефремовой, только в этом «Современном толковом словаре русского языка» по поводу *хлябей* даются не совсем те же объяснения:

Хлябь I *ж. местн.* 1. Непогода с дождём и слякотью. 2. Жидкая грязь, топь. II *ж. местн.* Место бурного и стремительного течения в реке, в потоке; стремнина I. III *ж. устар.* 1. Крутой скалистый обрыв; стремнина II 1. 2. Бездна, пропасть; стремнина II 2.

Смотрите, сюда ещё и крутые скалы добавились.

Просмотрим статью ещё раз, ибо с первого прочтения не удалось вникнуть в слова — и заодно нужно разобраться в пометах и цифрах, римских и арабских. Значит, был всё-таки прав тот, кто вспоминал *хлюпающую мокроту*? — видите, здесь написано: *непогода с дождём* и *жидкая грязь, топь*. Есть здесь, как у С. И. Ожегова, *бездна*. Водную *глубину*, правда, выбросили, но добавили *пропасть*. Речная стремнина — тоже *хлябь*, но с оговоркой, что это местное употребление — значит, не про все речки, а только про некоторые быстрые речные потоки местные жители так говорят. *Бездна* и *стремнина* числятся в устаревших значениях. Но как связан *крутой скалистый обрыв* со всем остальным — текущим, хлюпающим и чавкающим?

Из прочитанного можно сделать вывод, что *хлябь* — чуть ли не универсальное слово для обозначения и жидкого и твёрдого, оно подходит для любой *стихии*, разве что к *огню* его не прилепишь.

С другой стороны, все значения — со специальными пометами. Тогда вопрос: нужно ли вообще вносить в *современный* словарь русского языка то, что сам считаешь *устаревшим*? А уж если только *по местам* слово используется в определённых значениях, так это материал для специальных изданий о местных говорах.

Лексикография, подкреплённая лирикой

Мне вспомнилось одно стихотворение...

Может быть, не следует перебивать затеянный *лингвистический* разговор *лирическими* отступлениями? — тем самым сбивая с мысли и разбивая цепочку логических рассуждений. Но, честно говоря, лично у меня мысли уже и так сбились, логическая цепочка после всех озвученных толкований и вариантов всё равно не выстраивается. Потом: в какой словарь ни загляни, чуть ли не каждый составитель именно стихотворными строками подкрепляет значение того или иного слова, он с удовольствием и даже как-то *профессионально* ссылается на Пушкина, цитирует Лермонтова, Баратынского или кого помельче. Как будто так и положено. Если прямой ссылки с цитатой из литературных мастеров и всяческих подмастерьев нет, как у Т. Ф. Ефремовой, всё равно угадывается или прослеживается *литературное* происхождение того или иного значения.

Поэтому позволю и себе лирическое, или, если хотите, лирико-лексикографическое, отступление.

Вячеслав Иванов использовал как-то *хлябь* в стихотворении «Зимняя буря»:

Гнёт и ломит ноша снега
Кипарисы нежные,
И корчует вал с разбега
Грабы побережные.

Всё смешилось в тусклой хляби —
Твердь и зыби вьюжные.
Кто вас губит, кто вас грабит,
Вертограды южные?

Если мы читаем «Бурю» как художественное произведение, у нас вопросов не возникает, нас завораживает ритм и захватывают сочетания звуков, в сознании рисуется живописная картина: южный берег, может быть, крымский, с его теплолюбивой растительностью, из-за налетевшего ветра со снегом день потускнел... А если взяться за словарный разбор? Тогда сильно озадачишься: что такое *тусклая хлябь*, в которой смешались каким-то образом *твердь* и снежные *зыби*? Обратившись к словарям, хотя бы к уже названным, мы не находим в них объяснения для *вячеславо-ивановской хляби*. Это не *бездна*, и не *глубина*, и явно не *речная стремнина*. Говорится, в общем-то, о непогоде, но в словаре Т. Ф. Ефремовой утверждается, что *хлябь* — *непогода с дождём и слякотью, а здесь — с ветром и снегом*.

Что делать? Может быть, сделать то, что, как мы понимаем, делают составители новых словарей: прочитав означенное стихотворение Вяч. Иванова, добавим для слова *хлябь* ещё одно значение! Перечислив механически всё предыдущее, поставим ещё одну римскую или арабскую цифру, как-нибудь изошрмимся и подберём объяснение для *вячеславо-ивановского* употребления. Однозначного объяснения у нас

вряд ли получится, так мы наставим целый ряд *синонимов*, и, глядишь, они в своём количестве как-нибудь дадут некое смысловое качество.

Потом кто-нибудь встретит у Велимира Хлебникова *пламенные хляби* и сделает нам замечание: вы утверждали, что *хляби* несовместимы со стихией огня, но вот вам доказательство, что они очень даже совмещаются, так что, добавив в словарь *вячеславо-ивановское* значение, пишите под следующей цифрой и *велимиро-хлебниковское*!

Я иронизирую? Скорее, я хочу сказать, что словарные толкования не должны строиться на цитатах из художественной литературы. Почему? Потому что литераторы стараются *отойти* от обыденной речи, они прилагают усилия, чтобы выразиться оригинально — сказать не как все, не как в повседневных разговорах, пусть даже вычурно, лишь бы не как у скучных обывателей и занудливых бытописателей. Литераторы отступают от языка, который называется *нормативным*, и кому это удаётся лучше всех, кто сильнее других *отступает* от нормы, того любители художественной литературы похвалят: вот это настоящий стилист! А у поэтов особенно — и грамматические неправильности, и искажение смысла, и вычурность, и бывают вообще словечки собственного производства, как у Велимира Хлебникова, и встречаются просто натяжки, в том числе ради рифмы. Например, А. С. Пушкин в стихотворении «Кавказ» притянул, не задумываясь особо, *сени к оленям*:

А там уже рощи, зелёные сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

Придирчивый редактор сказал бы: Александр Сергеевич, *сени* — это крыльцо, только крытое и со стенами, это прихожая, а в богатых домах сени называют вестибюлем. Вы имеете в виду, что, стоя на самой высокой кавказской горе, ибо вот вы пишете: *Кавказ подо мною!* — вы увидели сверху какую-то пристройку к передним дверям какого-то дома — и эти *сени* у вас зелёного цвета?

Взяв в руки «Словарь Академии Российской», к тому времени уже существующий, редактор мог бы ещё показать Пушкину соответствующую страницу в пятом томе, где написано, что у старославянского слова *сень* первое значение — *тень*, второе — *шалаш, куца, намёт, шатёр*. Может быть, Александр Сергеевич с высоты орлиного полёта увидел какие-то зелёные палатки?

Но к Пушкину никто с подобными вопросами и уточнениями не придирался, в словарь его носом не тыкал. А если бы придрался, Пушкин ответил бы, что он имеет в виду зелёные рощи, а тот, кто критикует и задаёт подобные вопросы *сочинителю*, тот не понимает метафор и, пытаясь *поверить гармонию* лексикографией, расчленяет музыку, как труп, и умертвляет, извините, умерщвляет, звуки!

Хорошо, ради бога, пусть поэты и дальше прибегают к метафорам, сравнениям, преувеличениям и хоть к грамматическим и смысловым ошибкам, но, повторяю, переносить их художественные искажения и словесные опыты в толковые словари нет необходимости. Кстати, в упомянутом «Новом (толково-словообразовательном) словаре русского языка» у Т. Ф. Ефремовой на первом месте, первым объяснением, под цифрой номер один, для слова *сень* приводится как раз то использование, простите, *примерно* то использование, которое позволял себе Пушкин и другие пииты:

Сень 1. ж. устар. 1) Лиственный покров деревьев. 2) *перен.* Место (какое-л. или где-л.). 2. ж. Навес, полог в алтаре над престолом...

А где *тень*, где *шатёр*? Читая церковнославянскую Библию, а именно Евангелие от Матфея, мы встретим слова Петра, обращённые к Иисусу (гл. 17, ст. 4): *аще хоцещи, сотворим zde три сени*, — и, сверившись с означенным словарём, мы подумаем... А что

здесь можно подумать? Что каких-то три *лиственных покрова* возжелал Пётр установить?

Пётр, однако, предлагал Христу: если хочешь, мы поставим здесь на горе три *шатра*.

Что касается *места*, идущего у Т. Ф. Ефремовой вторым номером, — если принять такое многозначное и сильно *растяжимое* толкование, то, пожалуй, *сень*, слегка уступая *хлябям*, тоже предстанет одним из самых употребительных слов нашего современного языка. С его помощью можно сказать, *переносно*, о каком угодно месте, где-либо находящемся. Выглядываем в окно, в эту *застеклённую сень*, на дорогу, на *проезжую сень*, видим на другой стороне *торговую сень*, то есть, магазин, рядом *питьевую сень*...

Академизм, замешанный на поэзии и шаблонной журналистике

Вернёмся, однако, *под сень наших хлябей* — позволю себе так выразиться, начитавшись словарных толкований. Если судить строго, фраза совершенно нелепая, настоящий знаток русской словесности, вроде И. И. Срезневского, в гробу от неё перевернётся. А они, похоже, все давно в гробах, настоящие языковеды, те, которые ещё со школы знали что-то из древнегреческого и латыни, которые в университетах учили старославянский, владели несколькими живыми иностранными языками, читали в оригинале письменные памятники, начиная с Гомера и кончая немецкими философами, и благодаря такому гуманитарному образованию они знали или обоснованно предполагали, откуда идёт какое слово, и как понимать то или иное выражение. И это было труднее — выучить хотя бы одну латынь, чем писать фундаментальные труды про *фонему* или *морфему*, рассуждать пространно о *семиотике* или *генеративной лингвистике* — о придуманных абстракциях, подкрепляя свои суждения, бездоказательные и, следовательно, неопровержимые, заимствованными из чужого языка словечками вроде *номинация*, *контаминация*, *концепт*... Сейчас уже назрела необходимость в новом Ломоносове: тот перевёл в своё время иностранную лингвистическую терминологию на русский язык. Или, на худой конец, хотя бы новый Шишков появился, чтобы со своими перегибами в сторону славянской старины противодействовать прогибам под англо-американскую новизну.

С точки зрения сегодняшнего употребления и сегодняшней лексикографии, *под сенью наших хлябей*, только что придуманная мной словесная галиматья, вовсе не режет слух. Да и сознание против неё как будто не восстаёт.

В «Словаре Академии Российской», в первом издании, которое выходило том за томом в 1789–1794 годах, *хлябь* объяснялась всего двумя словами, а нынче — сколько словес наворочано! Куда им до нас, академикам давно минувшего екатерининского века, включая М. В. Ломоносова, не имевшего понятия о *фонемах*, *лексемах* и особенно о *семиотике*. Откуда взялись *новые* значения — и *непогода*, и *бездна*, и *жидкая грязь*? Я уже сказал: отчасти оттуда — из художественной прозы и лирической поэзии: прозаики и поэты, *тоской и рифмами томимые*, прилагали усилия, чтобы с помощью красочных сравнений и метафор нарушить нормальный язык, а лексикографы переносили и переносят авторские *неправильности* в толковые словари, придавая им статус *языковой нормы*.

Для составителей первого академического словаря *хляби* были *преградой*. А потом кто-нибудь из сочинителей, вроде К. Н. Батюшкова, красиво, но неправильно выразился, назвав хлябями водные просторы. По Библии, когда *отверзлись небесные хляби*, на земле началось наводнение, всю землю затопило, и — слово *хляби* перенеслось в сознании человека, который *живёт поэзией* и *бредит рифмами*, на воды

вселенского потопа, а заодно и на водное наполнение морей и рек. Может быть, и до Батюшкова кто-то *переносно* называл водоёмы *хлябями*, но в словарях мы видим сегодня пример именно из Батюшкова, который, живописуя в 1814 году развалины замка в Швеции, использует *хляби* по отношению к воде:

Задумчиво луна сквозь тонкий пар глядит
На хляби и брега безмолвны.

Батюшков обмолвился, за ним обмолвился или повторил чью-то обмолвку Е. А. Баратынский — в 1824 году, в уже упомянутой «Буре»: *хлябь морская клокочет и ревёт*. Благодаря их *лирике* появилось и до наших дней повторяется в словарях: *хляби морские*. А толкование *водные глубины*, как, например, в «Большом энциклопедическом словаре» и в «Большой советской энциклопедии», основано вовсе не на энциклопедических знаниях, а на художественных высказываниях, вроде тех, которые у А. А. Фета в следующих строках:

Малютка, хоть твоя б одна
Ладья спастись успела,
Пока всей хляби глубина,
Чернея, не вскипела.

А уж когда А. С. Пушкин где-нибудь и как-нибудь *обмолвился*, то само собой его неточные высказывания переносились усердными лексикографами в толковые словари в виде показательных примеров. Хорошо, что географы не учат свой предмет по Пушкину или Гоголю. Снова обратившись к стихотворению «Кавказ», прочитав *Кавказ подо мною*, можно сделать вывод, что Пушкин взобрался не иначе как на Эльбрус, на самую высокую кавказскую вершину, у подножия которой *мчится* Арагва и тут же рядом *играет* Терек. А познакомившись с гоголевским *редкая птица долетит до середины Днепра*, на географических картах стали бы изображать Днепр широким-широким, не меньше трёхсот километров в ширину, — исходя из того, что сия река, по Гоголю, представляет собой непреодолимое препятствие для птиц, а птицы, способные с Крайнего Севера долететь до Южной Африки, покрывают за один перелёт от ста до двухсот километров. И физики с химиками, приняв за аксиому пушкинское *лёд и пламень не столь различны меж собой*, заговорят о молекулярном сходстве, если не идентичности, замёрзшей воды и огня.

В 1794 году наши первые официальные любители русской словесности в шестом томе своего академического словаря обошлись двумя словами для определения *хляби*: *преграда, оплот*. С единственным примером употребления, взятым, естественно, из Библии: *И хляби небесныя отверзошася* (Быт 7:11). Преграды открылись, отодвинулись, и та вода, которую Иегова поместил над твердью небесной, полилась на землю. *Морем* здесь и не пахло.

Филологи советской эпохи, знавшие Библию в общих чертах, в виде крылатых выражений и сказочных историй, вроде всемирного потопа, толковали *хлябь* — например, в «Малом академическом словаре», — по переносному или просто неправильному употреблению этого слова разными сочинителями, часть которых мы уже назвали:

Хлябь, -и, ж. (мн. в том же знач. *хляби, -ей*). 1. *Устар.* Неизмеримая глубина моря или неба; бездна. *Завыла буря; хлябь морская Клокочет и ревёт, и чёрные валы Идут до неба восставая.* Баратынский, «Буря». *Малютка, хоть твоя б одна Ладья спастись успела, Пока всей хляби глубина, Чернея, не вскипела.* Фет, «Барашков буря шлёт своих». 2. *Разг.* Жидкая грязь. — *Три часа по грязи туда да три обратно. Машины-то*

через эту хлябь не проходят, — добавила Ольга Петровна. Б. Полевой, «В тумане». Машины, по радиатор ныряя в хляби, ринулись по дороге. Леонов, «Взятие Великошумска». ♦ Разверзлись хляби небесные (шутл.) — о непогоде с проливным дождём и слякотью.

А где *преграда*, *оплот*? — из «Словаря Академии Российской». Их забыли — поскольку сам «Словарь» перешёл в разряд забытых и на дальние полки задвинутых изданий из *крепостнического прошлого*, из *времён Очаковских и покоренья Крыма*. Вместо *преграды* и *оплота* (в смысле *забора*, *ограды*) утвердилась в словарях поэтическая *неизмеримая глубина*, и к поэзии присовокупили *жидкую грязь* — порождение советского сознания, отражавшего советскую действительность, что, в свою очередь, нашло отражение в литературе социалистического реализма и было *зафиксировано* в словарях представителями марксистского языкознания.

Советские машины ныряли в *хляби*, но не все через *хлябь* проходили... Если так *ведущие* советские литераторы писали, подлинные *инженеры человеческих душ*, то чего ждать от журнально-газетных подмастерьев? В словесном самовыражении быкам позволено то, что позволено Юпитерам, и — *пошла писать губерния*: в публицистике советского периода можно встретить какую угодно *хлябь*: болотную, чернозёмную, весеннюю, осеннюю, дорожную, снежную, тусклую, хмурую, зловонную, вязкую, непролазную, невылазную... Всё это, уже в виде штампов, переползло в язык нашего времени.

Ожидаешь, что какой-либо *академический* коллектив, составляя в наши дни современный словарь, исправит положение: начнёт объяснение *хлябей* с того значения, которое они, *хляби*, имеют в Библии, учтёт при этом толкования из первых академических словарей, особенно из четырёхтомного «Словаря церковнославянского и русского языка», изданного Вторым отделением Императорской Академии наук в 1847 году. Но вот петербургский Институт лингвистических исследований в своём «Большом **толковом словаре** русского языка», созданном не так давно под редакторством С. А. Кузнецова, приводит *разверзлись хляби небесные* лишь в виде шутливого выражения и, задвинув его в конец статьи, довольно обстоятельно описывает использование *хляби* в значении *непогода со слякотью* и в значении *жидкая грязь*. Простите, в академических кругах говорят теперь не *значение*, а *номинация*, так что, выражаясь лингво-академически, в означенном словаре уделяется больше внимания фиксации слова *хлябь* в номинации *грязь*:

Хлябь, -и; ж. (в том же зн.: *мн.* хляби, -ей). 1. *Книжн.* Бездна, глубина. *Черна бездонная х.* (об океане). *Ревёт, клокочет водная, морская х.* 2. *Разг.* Непогода с дождём, слякотью. *Дождливая хмурая х.* *За окном одна х.* 3. *Разг.* Жидкая грязь. *Весенняя х.* *Застрясть, увязнуть в хляби.* ♦ *Разверзлись хляби небесные.* *Шутл.* О сильном дожде (из библейского рассказа о всемирном потопе).

А где *преграда*? Нынешние академики похерили прошлых академиков? Так что можно и засомневаться... Лично меня время от времени, действительно, одолевали сомнения: может, в восемнадцатом веке неправильно понимали и объясняли про *хлябь*? Может, ошибались они в своём «Словаре Академии Российской»: какая-то *преграда* у них, какой-то *оплот*, который надо понимать как *ограда*. Даже так можно задать вопрос: что перевешивает — единственное толкование и только в их словаре или несколько значений с многочисленными примерами в нескольких академических, новых и современных словарях нашего времени?

Или вот в лютеранской Библии, если посмотреть описание того самого *всемирного потоп*а, немцы пишут: «und taten sich auf die Fenster des Himmels»; в другом переводе: «und die Fenster des Himmels öffneten sich» (1 Мозе 7:11). У нас: *отверзлись небесные хляби*, у них: *небесные окна* (die Fenster des Himmels) *отворились*. Наверно, и немцы,

как наши первые академики, тоже что-то напутали, намудрили, неправильно Библию перевели с древнееврейского: какие такие *окна*? В наших словарях, которые мы уже упомянули и которые ещё предстоит упомянуть, ни слова про окна! У нас, в лучшем случае, *морские бездны* и *непогода*, а главная *номинация* у нас: *жидкая грязь*. Правда, ещё *стремнина*... Как же так? — и водная стремнина, и скалистая стремнина.

У края стремнины

Мне скажут: далась вам эта стремнина! Не отвлекайтесь, продолжайте про *хляби*.

Действительно, нужно просто переступить через *стремнину*, как и через *жидкую грязь*, и про неё забыть, как и про грязь, их перечеркнуть как неправильные объяснения, и к ним не возвращаться. Но вот словно втемяшилось: почему одним словом *стремнина* называют и крутой скалистый обрыв, и быстрый поток? Я не согласен... То есть, здесь я вынужден согласиться, но всё равно как-то странно. Если бы я был софистом, то софист на моём месте, или, скажем так, софист в моём лице, и мы оба в одном лице, стали бы рассуждать: обрыв — скалистый, скала; быстрое течение — в реке, вода. *Ergo*: скала, камень — то же самое, что вода!

Но мне с моим софизмом просто указывают на А. С. Пушкина, который в стихотворении «Кавказ» с высоты своего положения обзирает всё, что лежит у его ног, и без лукавого мудрствования называет *стремниной* обрывистую скалу:

Кавказ подо мною. Один в вышине,
Стою над снегами у края стремнины...

Уверен, что некоторые школьники, читая или даже заучивая стихотворение наизусть, да и некоторые взрослые думают, что Пушкин стоит над бурной речкой. Но в другом стихотворении, в «Кавказском пленнике», *стремнина* имеет определение *каменная*, так что у Пушкина в обоих случаях идёт речь о горных обрывах.

Вдали сверкает горный ключ,
Сбегая с каменной стремнины.

Поскольку язык Пушкина расходится иногда с языком *нормативным*, заглянем для проверки в «Словарь Академии Российской» — в который, по признанию Пушкина, и он *встарь заглядывал*. В пятом томе (вышедшем в 1794 году) мы находим глагол *стремиться*, который сообщает о *вещах движущихся*: *быстро нестись, течь*. Что подтверждается примерами: *Вода стремится вниз по течению; Дым стремится в воздух; Корабль стремится в путь*. Второе значение: *иметь к чему сильную склонность, расположение*, например: *Стремиться к славе; Стремится дух, мысль; Стремиться сердцем к чему-либо*.

После этого мы ожидаем, что и *стремнина* сообщает о чём-либо *движущемся*, но читаем с некоторым удивлением: *Стремнина — утёс, крутизна. Стремнина горы*.

О воде, стремящейся вниз по течению, — ничего. Как ни странно. Только утёс! И следует пример, который должен убедить в правильности толкования, и пример этот, можно догадаться, *поэтический*. Да, практика эта давняя — брать *показательные* цитаты из поэтов. В первом Академическом словаре цитировали, в основном, М. В. Ломоносова, — закономерно, ибо «Словарь Академии Российской» не столько *описывал* русский язык, сколько *предписывал*, каким нашему языку надлежит быть, а Михайло Ломоносов как раз при всяком удобном случае поучал, как правильно говорить и писать, он своими виршами, наполненными церковнославянской *лексикой*,

выдержанными в самом высоком штиле, давал поэтам наглядные примеры, как следует слагать стихи и басни.

Итак, пример взят из Ломоносова, из его пространной оды, в которой пересказываются в рифмованной форме некоторые события и диалоги ветхозаветной Книги Иова:

Стремнинами путей ты разных
Прошёл ли моря глубину?
И счёл ли чуд многообразных
Стада, ходящие по дну?

Честно говоря, я не увидел в ломоносовских *стремнинах* признаки *утёса* или *крутизны*... Ладно, примем на веру, что подразумеваются именно они. А про *чуд многообразных* как понимать? Нет, не будем отвлекаться ещё и на *чуд*, на их бесчисленные *стада, по дну ходящие*, ибо мы и так всё глубже вязнем, так сказать, в хлябях русского словоупотребления и лексикографии.

На той же странице «Словаря» и в том же гнезде приводятся другие части речи, образованные от глагола *стремиться*. Вот прилагательное *стремнинный* — с объяснением *утёсистый, крутой*. И с примером из церковнославянской Библии: *Вошед на гору стремнинную* (Иов 40:15). Надо понимать, что некий зверь поднялся на гору с крутыми склонами — тем более, что *крутая гора* была в оригинале, в древнегреческом тексте, с которого делался *славянский* перевод: *ὄρος ἀκρότομον* (прилагательное *ἀκρότομος* значит *крутой*). Если полностью, в сороковой главе Книги Иова говорится: «возшед же на гору стреминную, сотвори радость четвероногим в тартаре.»

Стремнинный и *стреминный* — варианты написания. *Сотвори* — глагол в прошедшем времени: *сотворил, сделал*. Любопытно: что за *четвероногие в тартаре*, и кто обрадовал их, взойдя на высокую гору? Этот вопрос, однако, к богословам. В принципе, можно взять Синодальный перевод и прочесть то же самое на обычном русском языке, только в Синодальном в этом же стихе не совсем то же самое: «Горы приносят ему пищу, и там все звери полевые играют». Мы обнаруживаем, что горы здесь не *стреминные*, а взойшедший на гору зверь именуется *бегемотом*; правда, в примечаниях высказываются предположения, что в древнем тексте имели в виду слона, или носорога, или крокодила. Но, повторяю, с вопросами о разного рода библейских *чудах* лучше обращаться к богословам. Кесарю — кесарево, теологам — теологическое, а нам, филологам, — филологическое: мы обратимся к трудам лингвиста, именно Франца Миклошича, который досконально разобрался в старославянском — от его фонетики до его словарного запаса и грамматики. Миклошич объясняет старославянское *стрѣмина*, в другом написании *стрѣмьнина* (стремнина) на латыни: *locus praecipuus*, что значит *обрывистое место*. Для прилагательного *стрѣмьниннь* (стремнинный) он даёт латинское соответствие *praeruptus* (крутой, отвесный, обрывистый).

Итак, мы уточнили и соглашаемся, и, читая другое стихотворение Ломоносова, которое не про *чуд многообразных*, мы видим, что в этом случае у него *стремнина* — уж точно не водный поток, не ручей и не река.

Там горы, хляби там, бугры, стремнины, реки,
Препятствия везде, неслыханны во веки.

И совсем убедительный пример мы находим у того же Ломоносова в стихотворной трагедии «Тамира и Селим», где *стремнина крутая* может значить только *обрывистый склон*.

Как странник, на пути от зверя убегая,
Спешит чрез терние, чрез камни и бугры,
Но, вдруг увидев, что тут стремнина крутая,
И должно в мрачну хлябь стремглав упасть с горы,
Оцепенев стоит, противится размаху...

Так что всё верно, к чему *холодные сомненья*, как выразился однажды Пушкин, стоя в Крыму над другой стремниной... Правда, используя *стремнину* во второй раз в своём «Кавказе», Пушкин отступает от словарного значения и позволяет себе поэтическую вольность: крутые скалистые обрывы становятся у него каким-то образом *злачными*, то есть, они вроде как покрыты сочной травой, и на этих крутых обрывах каким-то образом пасутся овцы.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к весёлым долинам...

У В. И. Даля, в отличие от «Академического словаря», для *стремнины* приводятся два значения: это и *круча*, *обрыв*, *крутизна*, *скала*, *утёс*, и — *быстрина течения*, *стрежень*. Эти же значения мы находим в словарях нашего времени, например, в четырёхтомном «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, только *быстрое течение* переместилось на первое место:

Стремнина, *стремнины*, жен. (книжн.). 1. Место в реке, потоке, где течение особенно бурно и стремительно. 2. Крутой скалистый обрыв, крутизна, бездна. *Один в вышине стою над снегами у края стремнины. Пушкин. Туман встаёт на дне стремнины. А. К. Толстой.*

Смотрите: по поводу *хлябей* у С. И. Ожегова написано *бездна*, здесь Д. Н. Ушаков произносит *бездна*... И сомнения возвращаются, и, может быть, совсем зря критиковал я и иронизировал по поводу синонимичности *хляби* и *стремнины*? Если *хлябь* называют *бездной*, и скалистую *стремнину* — *бездной*, то напрашивается знак равенства между *хлябью* и скалистым обрывом.

Я швырнул камнем в поэтов, обвиняя их в ненормативной лексике, простите, в отступлениях от *нормативного языка*, но сейчас чувствую, что мне нужно цепляться за поэта Ломоносова — как утопающий на водной стремнине хватается за соломинку, а лезущий по скалистой стремнине цепляется за малейший выступ.

Вернёмся к стихотворным примерам из Ломоносова, я намеренно выбрал такие строчки, где *хлябь* и *стремнина* встречаются рядом. Вспомним: *Там горы, хляби там, бугры, стремнины, реки*... Смотрите: стремнины противопоставлены рекам. Хляби противопоставлены горам. Так что хляби, по Ломоносову, — это *впадины*, *ущелья*, это *провалы* в земле.

В трагедии «Тамира и Селим» странник, убегая от зверя, останавливается на краю стремнины, то есть, над крутым склоном, и цепенеет: как бы не упасть в *мрачную хлябь*. Здесь *хлябь* — *расселина*, *ущелье*, *пропасть*. Обратите внимание: стремнина — твёрдая, каменная. Слово *хлябь* указывает на пустое отверстие в земле.

Подождите, если *хлябь*, по-вашему, *расселина*, *впадина*, *провал* в земле, то какие могут быть провалы в воздухе? Ведь мы отталкиваемся от истории со всемирным потопом, мы возвращаемся к библейской фразе *отверзлись хляби небесные!*

Напоминаю: небо, по представлениям древних народов, было твёрдым. Небо было *твердью*, в нём могла образоваться расселина, в нём могли открыться провалы. Дабы моё напоминание прозвучало чётче и убедительнее, сошлюсь на Книгу Бытия, где в следующих трёх строчках *твердь* используется пять раз. Беру соответствующий текст на латыни — просто потому что латиницу легче воспроизвести, нежели подлинную кириллицу. Латинское *firmamentum* (твердь) образовано от *firmus* (крепкий, прочный): кто учил английский, узнаёт и понимает смысл по прилагательному *firm*.

Итак, самое начало Бытия, глава 1 стихи 6–8: «*Dixit quoque deus: fiat firmamentum in medio aquarum et dividat aquas ab aquis. Et fecit deus firmamentum divisitque aquas quae erant sub firmamento ab his quae erant super firmamentum. Et factum est ita. Vocavitque deus firmamentum caelum.*»

Так что *хлябь*, извините, — это даже и не *преграда*, не *оплот*, как написано в «Словаре Академии Российской», это, в общем и целом, *отверстие*. После всех словесных наворотов, после неверных, неточных и отдалённо-приблизительных толкований хочется как-то резче определить значение *хляби*, поэтому позволю себе выразиться грубовато: *хлябь* — это *дыра*. Имеются дыры на земной поверхности — пропасти, впадины, ямы, пещеры. Дыры есть в строениях — оконные и дверные проёмы, отдушины, продушины, дымоходы. На мельничных плотинах есть дыры для спуска воды — вода польётся, если открыть заслонку.

В представлении древних народов небесный свод был твёрдым куполом, и в Библии, откуда и пришли в наш язык *хляби небесные*, повествуется, как Иегова раскаялся в том, что создал *человеков*, и он решил истребить их с лица земли — за их *великое развращение*, за то, что из-за них *наполнилась земля злодеяниями*. Иегова устроил великое, всемирное наводнение: по его велению вода забила из всех подземных источников, а в *небесной тверди* появились отверстия, и через них, через эти стоки, или, если хотите, каналы, проходы, скважины, или попросту дыры, на землю потекла вода — та, которую ещё при сотворении мира Иегова поместил *над* твердью небесной.

Открытие шлюзов

Лет тридцать назад, нет, раньше, лет сорок назад, ещё при советском строе, в каком-то научно-популярном журнале прозвучало, что библейское *хляби небесные* нужно понимать как *шлюзы*. Автор и его статья воспринимались *свежим словом*, и журнальную публикацию можно было считать даже смелым шагом — после, на фоне и вопреки всем имевшимся на тот день словарям с их *безднами*, *глубинами*, *непогодой* и *топями*. Но, как мы сегодня видим, составители словарей не обратили внимания на то маленькое открытие.

Собственно, никакого открытия не произошло, хотя я продолжаю называть публикацию *свежим словом*, полезным именно потому, что предлагалось сойти с протоптанной дорожки, превратившейся уже в заезженную колею, и подвергнуть сомнению укоренившиеся представления. До *шлюзов* автор той публикации дошёл не своим умом, а обнаружил, скорее всего, у Макса Фасмера, чей этимологический словарь, переведённый с немецкого языка на русский, напечатанный с большими перерывами между каждым из четырёх томов, имелся далеко не у каждого и далеко не каждому был доступен, как, замечу, не было *широкого доступа* и к «Толковому словарю» В. И. Даля, несмотря на хвалебные речи в его адрес. Так что в то время, в семидесятые годы, тот, кто получил в руки фасмеровский словарь, мог почерпнуть из него много сведений, для советского филолога неожиданных. Что касается *хлябей*, Фасмер, правда, не даёт однозначного объяснения, он присовокупляет *шлюзы* к известным толкованиям *водопад* и *поток*, а что касается происхождения

старославянского *хляби*, Фасмер лишь приводит догадки тех или иных языковедов, — не свои, а чужие рассуждения, в основном, нелепые, с привлечением случайных слов из любых языков по случайному звуковому или буквенному совпадению или по очень приблизительному и тоже случайному совпадению смысла.

Шлюзы давно открыты — извините за игру слов, это значение никто не скрывал и не утаивал, просто по каким-то причинам оно ускользало от внимания наших лексикографов. И чтобы *открыть для себя* это значение, нет необходимости копаться в научных публикациях: просто берём Библию на английском языке, хотя бы американское издание, приспособленное для детей, и читаем описание потопа в Книге Бытия, в седьмой главе, где *хлябям небесным* соответствует *the floodgates of the sky*: «the floodgates of the sky were opened». *Floodgates* и есть *шлюзы*. Точнее, это можно понимать, не вдаваясь в технические тонкости, как *шлюзы*. Использование слова *floodgate* имеет давнюю историю, его не ввели для простоты понимания в современные детские библии. Один из первых английских переводов был сделан с латыни и напечатан во Франции для английских католиков в 1610 году, и там написано: «all the fountains of the great deep were broken up, and the flood gates of heaven were opened». Есть *шлюзы* (Schleusen) и в немецких переводах, например, в таком варианте: «die Schleusen des Himmels haben sich aufgetan». Возьмём для сравнения один из французских переводов: «toutes les sources du grand abîme jaillirent, et les écluses des cieux s'ouvrirent», где *les écluses des cieux* соответствует английскому *the floodgates of heaven* и русскому *хляби небесные*.

Итак, ещё один *окончательный* вариант: не *бездны*, не *преграда*, а — *шлюзы*!

Мне напомнят: выше приводилась ссылка на лютеранскую Библию, где в немецком тексте присутствовали *окна*, а не *шлюзы*. Что я скажу на этот счёт?

Я скажу, что и *окна*, и *шлюзы* — одно и то же. Нет, это я, конечно, сгоряча высказался, не взвешивая свои слова: сказывается усталость от барахтанья в словесных потоках, от преодоления словесных же водопадов. Поясню: окно и шлюз — сквозные отверстия, их сходство в том, что они что-то впускают или выпускают, через окно проникает воздух и солнечный свет, через шлюз протекает вода. Оба эти отверстия можно открыть и закрыть. *Окно* и *шлюз* исключают все те словарные определения, которые мы приводили выше.

В большинстве английских переводов используются *windows* (окна): *the windows of heaven, the windows of the heavens, the sky's windows*.

Почему всё-таки окна, а не шлюзы?

Я ссылаюсь на английские и немецкие библейские тексты, на *католические* и *протестантские*, из латинской Вульгаты привожу строки... Как будто у нас нет своей *православной* Библии? Отвечу: не имеет значения, кто пользуется, а то и грозно потрясает Библией: это Священное писание в равной мере для всех христианских вероисповеданий и одновременно старинный письменный памятник для всех народов и каждого человека в отдельности. Вопрос о *православной* Библии, прозвучавший с нотой недовольства, следует задать по-другому: у нас, помимо церковнославянской Библии, понятной далеко не всем, а местами непонятной даже для священнослужителей и богословов, есть Синодальный перевод, понятный всем, и не пора ли, наконец, заглянуть в него, чем обращаться к иностранным источникам? Просто откройте Библию, найдите описание всемирного потопа в Книге Бытия, — чем строить предположения, высказывать догадки, повторять чьи-то суждения, рыскать по словарям, толочь воду, барахтаясь в стремнинах, и топтать грязь, увязнув в болотной топи...

Очень дельная подсказка. Я, однако, перевожу вопрос, я его *переадресую* составителям всех вышеназванных и не названных толковых словарей: Синодальный перевод появился не сегодня, не вчера, а в 1876 году, и с тех пор при составлении своего словаря очередной лексикограф мог для проверки *хлябей* быстро найти в оном Синодальном переводе соответствующий стих и прочитать: «В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились» (Быт 7:11). После чего в своём словаре после заглавного слова *хляби* следовало написать односложное объяснение: *окна*.

А *глубины, топи, грязи, стремнины, дождь со слякотью*? А их выбросить и больше никогда к ним не возвращаться, забыть их и не вспоминать.

Как же, попробуй теперь забыть, когда они не только в каждом словаре, но и в письменный язык въелись и в разговорную речь вошли... Но, подождите, и в «Словаре Академии Российской», в самом первом издании, как вы сами говорите, тоже не *окна* написано, а *преграда* и *оплот*?

По поводу *преграды*: думаю, первые наши академики под *преградой* имели в виду что-то вроде заслонки, загородки. Они не очень удачно выразились и, может быть, для них, при общем настрое на высокий стиль, слова *преграда*, *оплот* казались более благозвучными и благородными, чем *забор*, *загородка*, *заслонка*. Но, в целом, думаю, они, как и Ломоносов, представляли себе *хлябь* неким отверстием в небе, которое можно отворить и затворить. К такому виду отверстий относится шлюз.

Но давайте согласимся, что толкование *окна* лучше подходит для *хлябей*, чем *шлюзы*. Человек с техническим складом ума сразу сделает замечание: шлюз — сложное гидротехническое сооружение, его строят на водных путях для перехода судов из одного водного бассейна в другой, с двух сторон шлюз ограничен затворами, между которыми располагается смежная камера... На небе, на *тверди небесной*, при сотворении мира Иегова смонтировал такие приспособления? И они открывались или кто-то их открывал для того, чтобы на землю пошёл дождь?

Люди с техническим складом ума быстрее схватывают суть вопроса, точнее понимают слова и чётче объясняют их значения. Человек с гуманитарным складом ума теперь задумается и ответит: нет, в Библии, наверно, имелось в виду, что просто отодвигаются какие-то заслонки, поднимаются затворы — без всяких смежных камер, как бы крышка люка открывается или отодвигается и — потекло. Как на мельничной плотине, наверно: дощатый щиток подняли, и вода хлынула из запруды.

Человек технический предложит: «Тогда и говорите: *заслонка*, *затвор*, *задвижка*, *люк*, *щит*, а не *шлюз*. Говорите: открылись заслонки. Тем более, что, строго говоря, по-английски *шлюз* называется *lock*, а здесь у вас пишут *floodgate*. В технических словарях английское *floodgate* — вовсе не *шлюз*, а *шлюзные ворота*, по-иному *затвор*, а затвор, строго говоря, только часть шлюза.»

Лично я согласен: в библейской истории о всемирном потопе нет сложных технических сооружений, и не может быть технической терминологии. Если придерживаться версии, что в небе открылись некие приспособления для *водосброса*, для *водослива*, лучше, действительно, подобрать определение из только что прозвучавших слов: *затвор*, *заслонка*, *задвижка*... В своё время, проверяя версию со шлюзами, я нашёл в «Словаре русских народных говоров» слово *затворка* — так говорят в некоторых местах о задвижке или заслонке, например, печной. Мельничные шлюзы кое-где называли *затворками*, а есть ещё *затворь* — с ударением на первый или второй слог. А что? Произнесите, с ударением на первом слоге, и послушайте: открылись *затвори небесные*! Простонародное слово придаёт выражению старинное

звучание, но смысл, согласитесь, понятен. И как это созвучно с болгарской Библией, где *небесните отвори*. И с украинской Библией, где *небесні розтвори*.

Итак, от определения *иллюз* мы отказываемся — выслушав убедительные доводы человека с техническим складом ума. Принимаем варианты *затвор*, *заслонка*... Повторяю, я бы предложил *зѣтворь*. При этом мы соглашаемся, что *затвор* и *заслонка* не обязательно подразумевают задвижку или щит на плотине или дамбе. Заслонка может быть в дымоходе, в вентиляционном канале... Вообще, в первоисточнике, на древнееврейском, на месте *хляби* было слово, не связанное с водой. Вода домыслилась переводчиками и толкователями — поскольку в сознании рисовались буквально потоки и водопады, обрушившиеся с неба. В первоисточнике стояло слово, которым можно было сказать об окне, скорее всего, зарешённом, о выпускном отверстии, какое бывает в дымоходе, о летке, какой делают обитателям скворечника или голубятни. В первоисточнике говорилось о том, что может отверзаться, разверзаться, то есть, открываться и закрываться.

Расхлябанность на базе хляби со сжатием до хлябы

Всё бы хорошо, но это мои слова, а для доказательства нужен авторитет. Пока что мы слышали от филологических авторитетов то, что слышали: *бездна*, *глубина*, *дождливая погода*, *топь*, *преграда*, *оплот*... Вот, ознакомьтесь, есть ещё авторитетное мнение Н. М. Шанского, который входил в число самых известных светил российской лингвистики: он специалист и по лексике, и по фразеологии... Шанский, собственно, не нуждается в представлении, сами за себя говорят учёные степени и звания: доктор филологических наук, профессор Московского университета, действительный член Академии педагогических наук. Взгляните только на список его трудов и школьных учебников! Есть у него и научно-популярные книги, например, недавно вышедшие «Лингвистические детективы», где есть отдельная статья о *хляби*.

Я что-то припоминаю — но не «Детективы», а книгу Шанского с названием «В мире слов». Она выходила в семидесятых годах прошлого века как пособие для учителей — с множеством статей о разных словах и выражениях. Как я понимаю, «Детективы» — современное переиздание под более броским и привлекательным названием: время-то сейчас другое, не коммунизм, время рыночное, ты мало что наторгуешь, если не заявишь прямо с обложки, что твоё издание про загадки, тайны, про что-нибудь мистическое, магическое, сакральное, детективное... Я готов ради дела перечитать объяснения академика Н. М. Шанского о *хлябях*: вполне возможно, что тогда, в семидесятых, я невнимательно ознакомился с его научно-популярной книгой, и, возможно, ещё тогда, в семидесятых, всё насчёт хлябей было научно *разгадано* и популярно изложено, и я зря сегодня сотрясаю воздух и толку воду.

Итак, в статье «Что значит слово хлябь» автор пишет:

«В качестве самостоятельной лексической единицы слово *хлябь* практически в нашей речи отсутствует. Оно живёт лишь как часть целой словесной семьи, и только в ней. Вспомним шутивное выражение *разверзлись хляби небесные* (пошёл сильный, проливной дождь). Мы видим, что в названном фразеологическом сращении архаично не только существительное *хлябь*, но и глагол *разверзлись*. Хорошо знакомо лишь прилагательное *небесный*. С чем же небесным и что же сделалось? Начнём с последнего. О глаголе *разверзлись* нельзя не упомянуть, если говорится об этимологии существительного *отверстие*. *Разверзлись* может значить *раскрылись*, *развязались*, *расшатались*, *ослабли*.»

Сделаем остановку. Любопытно, что, по Шанскому, слово *хлябь* само по себе *практически отсутствует*, но в тех словарных статьях, которые я приводил выше,

составители очень даже обстоятельно описывают его самостоятельное употребление, приводя по несколько значений под разными цифрами и с разными пометами.

Позволю себе вопрос: почему автор повторяет *разверзлись*? Я имею в виду, что в статьях подобного рода существительные даются в именительном падеже и единственном числе, для глаголов приводится безличная форма — а не прошедшее время в третьем лице. Автор как будто уклоняется от того, чтобы назвать неопределённую форму указанного глагола. Я цепляюсь? Нет, мне действительно хочется узнать. Заявлено, что *разверзлись* — глагол архаичный, поэтому не очевидно, что неопределённой формой будет *разверзаться*. И потом, у меня имеются сильные сомнения, что *разверзлись* можно понимать как *развязались*, *расшатались* и особенно *ослабли*.

В «Словаре Академии Российской», в первой его редакции, изданной в 1789–1794 годах, не так-то просто найти исходную форму глагола, поскольку слова располагались не в алфавитном порядке, а по *гнездовому* принципу. Ищу долго *разверзнуть*. Потом ищу *отверзнуть*. Не нахожу. Оказывается, нужно исходить из *верзити* — с ударением на первом слоге и со значением, как ни странно: *бросать, кидать, метать*. В большом словарном гнезде мы видим и *извергати*, и *изверг*, и *отвергати*, и вот, наконец, *отверзати*. Глагол *отверзати* значит *открывать, растворять то, что было затворено, закрыто*. Приводится пример, прямо-таки на нашу тему: «Двери небесе отверзе» (из 77 псалма).

Обратите внимание, что идёт речь о небесных *дверях*.

Через несколько страниц находим *разверзати* со значениями: *растворять, раздвигать, делать отверстие между тем, что было сомкнуто*.

Подчёркиваю: делать *отверстие* между тем, что было сомкнуто.

Нет, *развязались*, *расшатались* и *ослабли* не являются синонимами для *разверзлись*. Похоже, автор привёл их, как бы мне точнее выразиться, — не особо *взвешивая* то, что он говорит и пишет. Просторечно выражаясь, он вставил их *для кучи*. И вообще в его тоне, вам не кажется, проскальзывает снисходительность: какие-то мелочи приходится объяснять с высоты своих филологических званий, ну, так и быть, я быстро сейчас разложу всё по полочкам.

Читаем дальше *детективную* историю про *хляби*:

«Чтобы понять, какое значение было первоначально у оборота *разверзлись хляби небесные*, нам осталось узнать, что значит слово *хлябь*. Это существительное имеет значение *простор, пустота, глубь; бездна, пропасть*. Таким образом, буквальный перевод выражения *разверзлись хляби небесные* даёт нам *открылись небесные просторы* (или *бездны* и т. д.). Тем самым становится яснее и оправданнее современное значение оборота, которое является как бы следствием исходной семантики. И всё же история нынешнего значения *пошёл сильный, проливной дождь* «разверзается» перед нами полностью лишь тогда, когда мы привлекаем тот контекст, из которого выражение *разверзлись хляби небесные* явилось на свет.

А извлечено оно было из библейского рассказа о Всемирном потопе: «Разверзошася вси источники бездны, и хляби небесные отверзошася. И бысть дождь на землю сорок дней и сорок ночей». Н. С. и М. Г. Ашукины (Крылатые слова. 3-е изд. М., 1966. С. 570) по традиции передают этот отрывок таким образом: «Разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились, и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей». Однако, как можно заключить, имея в виду уже изложенное, такой перевод неточен. Ни *великой бездны*, ни *небесных окон* здесь нет, а слово *разверзошася* требует перевода *раскрылись*.»

Подождите, я и сам вроде бы филолог, но не совсем понимаю... *Хлябь*, оказывается, имеет какие значения? Через запятую перечислены: *простор* — что, по-моему,

пространство вширь и вверх, *пустота* — там, где нет ничего и никого, *глубь* — у водоёма. Это разве синонимы или хотя бы схожие по смыслу слова? Открылись просторы и оттуда, из шири этих просторов, из их дали и высоты, из их пустоты, из глуби этой пустоты, пошёл дождь, потекла вода? И эти три слова, *простор*, *пустота* и *глубь*, вкуче с *бездной* и *пропастью*, оказывается, и есть *исходная семантика*? А *окна*, *иллюзы* и *затворы*, которые мы находим в современных переводах Библии, это тогда что — *исходная семантика* или как бы её следствие?

А, автор вообще не считает *окна* правильным переводом! Ашукины, составители «Крылатых слов», оказывается, не цитируют Синодальный перевод, а *по традиции* передают церковнославянский текст современным языком, только Шанский сделал заключение, *имея в виду уже изложенное*: перевод с окнами неточен. Вообще, он уверенно заявляет, что ни *великой бездны*, ни *небесных окон* здесь нет!

Всё страньше и страньше, как выразилась литературная героиня, попавшая в Страну чудес. А сочинитель Н. В. Гоголь в таких случаях разводил руками и признавался: «Решительно ничего не понимаю!» Я, в очередной раз растерявшись и усомнившись, полез проверять в Библию: есть ли *бездна*? Древнееврейского я не знаю, дабы обратиться к первоисточникам, в католической Вульгате написано на латыни: *fontes abyssi magnae* (источники бездны великой), и такой же смысл у французского *les sources du grand abîme...* Если я не ошибаюсь, в Септуагинте, древнегреческом тексте, откуда в церковнославянский перевод пришла *бездна*, стояло прилагательное *ἄβυσσος* (бездонный, неизмеримый). В одиннадцатом стихе оно использовано с артиклем, как существительное со значением *бездонная яма*, и не требует дополнительных определений вроде *огромный*, *великий*. Синодальный перевод сверялся с первоисточниками, с западноевропейскими переводами и к *бездне* добавили *великая*. Про *окна* мы выше говорили: именно *окна* присутствуют в большинстве современных переводов, или какой-то вид *отверстия*; например, в современной болгарской Библии написано: «извори на голямата бездна се разпукнаха и небесните отвори се разкриха», где *небесните отвори* соответствуют *хлябям небесным*, а *отвор*, родственное русскому *отворять*, значит *отверстие*; в специальных текстах *отвор* — порт (для орудия), амбразура.

И последний параграф в статье Шанского, здесь автор *попутно* рассуждает о глаголе *расхлябаться*, который, как он уверен, *сконденсировался* из выражения *разверзлись хляби*. Но *расхлябаться*, может, и не имеет отношения к старославянскому *хлябь*? По крайней мере, в «Словаре Академии Российской» *хлябать* рассматривалось самостоятельно, не в гнезде с *хлябями*. Его объяснение: *неплотно в чём держаться* с примерами: *дверь*, *ступица*, *гвоздь хлябает*. В «Малом академическом словаре» *хлябать* тоже рассматривается отдельно, называется просторечным словом со значениями *не держаться на месте*, *шататься*, *качаться*.

Итак, заключительная часть *детективной истории с хлябями небесными* от Н. М. Шанского:

«Заметим попутно, что наши небесные хляби, после того как они *разверзлись*, отложились не только в разобранном выражении. Слова *разверзлись хляби небесные* оставили после себя и других потомков. Среди них в первую очередь следует назвать глагол *расхлябаться* (расшататься, разойтись, ослабеть), ср.: *гайки расхлябались*, то есть расшатались, *сапог расхлябался*, то есть стал свободным, и т. д.; и существительное *расхлябанность* (*недисциплинированность* — от *расхлябанный*, страдательного причастия глагола *расхлябать*, приставочного производного от *хлябать* — качаться, шататься).

Глагол *расхлябаться* среди только что названных слов особенно интересен. Он возник в результате своеобразной конденсации словосочетания *разверзлись хляби*, на

базе слова *хлябь*, но по модели *разверзлись*: в структурную схему *раз-(рас-)-лись* вместо *-верз-* было засунуто *-хляба-*. Ещё более оригинальным сжатием оборота *разверзлись хляби небесные* в слово предстаёт перед нами диалектное существительное *хляба* (дождь, слякоть).»

Я не уверен, что учителя, которым была адресована в качестве *пособия* книжка «В мире слов», поняли из последнего параграфа, что на чём *отложилось*, что *сконденсировалось*, и что, куда и для чего было *засунуто*. Наше внимание, тем не менее, полностью переключилось на глагол *расхлябаться*, который не имеет отношения к *хлябям небесным*, и мы как-то удовлетворились, в общем, полученным ответом, хотя так и не поняли, что такое *хлябь*.

Когда произносится долгая речь и льётся множество слов, возникает подозрение... Почему-то мне вспомнились студенческие годы, экзамены по литературе, истории, языку или философии, кто-нибудь из студентов, нервничая и впадая в панику, спрашивал: «Как вывернуться, если не знаешь ответа?» Давались советы: «Надо плавно переключиться на то, что тебе известно.» Или: «Крути вокруг да около, и как-нибудь наговоришь на зачёт.» Понятно, что на математическом или химическом факультете такие номера не пройдут, нужно знать точно, что пять умноженное на пять даёт двадцать пять, а химическая реакция не получится при неверно заданной валентности. Но мы-то учились на гуманитариев...

А судьи кто?

Приходится признать, что авторитеты, от любителей русской словесности, составивших наш первый академический словарь, до современных дипломированных лингвистов, в том числе имеющих самые высокие научные степени и звания, один за другим высказались не в мою пользу, в их толкованиях нет места *дырам*, простите, *отверстиям*, или хотя бы *затворам*, а профессор Н. М. Шанский, чьи учения и объяснения вошли в учебные пособия с рекомендациями Академии педагогических наук, даже *окна* отверг, авторитетно заявив: *небесных окон* здесь нет.

Я кидаюсь к Ломоносову: Михайло Васильевич, хоть вы заступитесь. Помните, у вас есть большое стихотворение о стекле, о его великой пользе, и там вы используете *хляби* в значении *отверстия*, *ходы*, *проходы*. Ломоносов не будет отпираться: да, он действительно сочинил в 1752 году показательное, назидательное, для пропаганды знаний необходимое «Письмо о пользе стекла», где у него — в аллегорической форме — *родителем* стекла выступает подземный огонь. Заключённый в недрах земли, огонь захотел произвести на свет достойное *дитя*, огонь выбросил наружу земную породу — через жерло вулкана, в виде лавы, которая вытекла, затвердела и образовала стекловидную массу. А *натура*? Натура, то есть природа, выступила, так сказать, *родительницей* стекла: от её союза с огнём и родилось дитя, их обоих достойное.

С натурой некогда он произвести хотя
Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубине, под тягостью земною,
Где вечно он живёт и борется с водою,
Все силы собрал вдруг и хляби затворил,
В котеры Океан на брань к нему входил.
Напрягся мышцами и рамена подвинул
И тяготу земли превыше облак вскинул.
Внезапно чёрный дым навёл густую тень,
И в ночь ужасную переменялся день.

Если в библейской истории о потопе *хляби отворились*, то здесь *затворились*: собрав силы, огонь, аллегорически, *затворил хляби* — закрыл подземные ходы, проходы, отверстия, *в которы*, через которые, в землю *входил* Океан *на брань* с огнём, то есть, попросту вода проникала по этим протокам и заливала, тушила огонь. Таким образом огонь прекратил борьбу с водой, и, напрягшись мышцами и двинув плечами, выбросил наружу расплавленную подземную породу — произошло извержение вулкана.

Разве не убедительно? — с *хлябями* в значении *проходы*. Но, чувствую, я не всех или мало кого убедил. Мне скажут: знаете, Ломоносов с его аллегориями, которые не сразу распутаешь, с его тяжеловесными виршами и старинными словами, смысл которых то ли так следует понимать, то ли не так... Может, здесь у Ломоносова *хляби* как раз и есть *бездна*, *глубь*, или, может, подземные *стремнины*? А кроме Ломоносова нет кого-нибудь, кто бы без аллегорий, не в виршах, а в словаре, чётко и понятно выразился: *непогода*, к примеру, или та же *грязь*.

И потом, мне напомним: выше я возражал против поэзии в лексикографии, я напористо советовал не привлекать в свидетели литераторов, не использовать их писания в качестве *показательных примеров*, от которых смысл только расплывается и ускользает. Да, но лично я считаю Ломоносова прежде всего учёным и человеком с техническим складом ума. Я не стану читать его художественные произведения, как говорится, *ради удовольствия* или *для настроения*, он, по-моему, занимался филологией так же, как физикой или химией, он *взвешивал* слова перед тем, как что-то произнести или нанести на бумагу. Если хотите, про него, в отличие от Пушкина, можно сказать: он *поверил гармонию алгеброй* — как пушкинский Сальери. Он, Ломоносов, словно математикой *поверял* поэзию.

Кстати, *поверял* значит *проверял*, здесь нет ничего общего с *верить*. Вернее, корень у них общий... Если я не очень *уверен* в каком-то старом слове или устаревшем значении, я лучше загляну лишний раз в словарь, хотя бы в тот же академический, созданный при Екатерине II. Хотя, при его гнездовом расположении слов, не сразу найдёшь *гнездо*, где следует смотреть *поверять*, *проверять*, *доверять* — словоформы с разными приставками. Возьмём лучше «Словарь церковнославянского и русского языка», вышедший в 1847 году. Он был составлен фактически той же Академией Российской, только в 1841 году её присоединили к Императорской Академии наук — в качестве *Второго отделения*. На этот раз все слова расположили по алфавиту, стало удобнее их искать, из словаря убрали пространные ботанические статьи, ввели иностранные слова и морские термины, объяснения стали короче и чётче... Вообще, самый первый академический словарь был не то что *блин комом*, но, как я уже говорил, он, скорее, не описывал русский язык, а предписывал, каким русский язык должен быть, при этом диктовались невыполнимые требования и предлагались искусственные эталоны, которым никто не станет подражать: ведь не заставишь людей говорить выпренным литературным языком, отдавая предпочтение старославянским словесам. В составлении первого словаря, как все знают, участвовала лично княгиня Дашкова, возглавлявшая Академию Российскую, ей помогало почти сорок *академиков*, среди них адмирал Голенищев-Кутузов, драматург Фонвизин, поэт Державин, обер-камергер Шувалов; кроме титулованных особ свою лепту внесло несколько священнослужителей — *честнейших отцов*, в *Российском слове искусных*. Все они однозначно заслуживают уважения, но, если обществу нужен толковый словарь, в смысле *толково сделанный*, если нам хочется иметь практическое пособие и руководство, лучше привлекать к работе не княгинь и адмиралов, а *настоящих* лингвистов, которые не в перерывах между государственными делами и балами занимаются лексикографией, а всю жизнь отдают словарной работе, *корпя* с утра до вечера *над бумажками*.

В работе над новым словарём участвовали филологи — например, академик В. А. Поленов и, главное, академик А. Х. Востоков, *знаток церковнославянского и русского языка*. Правда и то, что в Академии Российской в ту пору преобладали более чем удивительные *лингвистические* взгляды: А. С. Шишков, возглавивший Академию в 1813 году и занимавший президентское кресло до самой смерти в 1841 году, считал, например, слова *буйство*, *букашка*, *азбука* родственными — поскольку в каждом присутствует буква у, которая выражает *чувствование страха или ужаса*, а русский язык был для адмирала Шишкова прародителем всех мировых наречий: «Язык наш — древо жизни на земле и отец наречий иных». Шишков, не делавший различия между *славенским*, то есть, церковнославянским, и собственно русским языком, провёл в академики некоторых священнослужителей, разделявших его воззрения, — он *набил академию попами*, как съязвил Пушкин. Из этих попов к редактированию «Словаря» приставили протоиерея И. С. Кочетова. Он преподавал закон божий и нравственное богословие в учебных заведениях, занимался библейской и церковной историей, а что касается его отношений с *филологией*, здесь само за себя говорит название им написанного и изданного труда «О пагубных следствиях пристрастия к иностранным языкам». Пушкин в дневниковых записях как-то назвал Кочетова *плутом* и *сплетником*, но личные оценки, приязнь или неприязнь в наших изысканиях не имеют значения, и то, что Шишков с Кочетовым слепо стояли горой за *славенский язык*, и даже то, что Кочетов нападал на изучение иностранных языков, всё это, как ни странно, только на руку нам, сегодняшним исследователям, если мы сталкиваемся с устаревшими и малопонятными русскими словами, если нам нужно уточнить смысл тех или иных *славенских* речений.

Итак, «Словарь церковнославянского и русского языка», в коем мы находим легко глагол *поверять* (писавшийся тогда через *ять*). Его первое значение: *поручать чьему-либо хранению или смотрению и попечению*; второе: *сличая одно с другим, убедиться в верности*. Пример: *Поверить списки с подлинником*. И цитата из Крылова: *Ложь с истиной сличить, поверить быль с молвой*.

Если уж мы держим в руках означенный словарь, посмотрим, кстати, что пишут в нём про *хляби*, какое мнение на этот счёт у академика Востокова, который в случае чего, при сомнениях и в спорных вопросах, как в случае с *хлябями*, мог выслушать мнение протоиерея Кочетова, пусть и *ретрограда*, но знатока церковной и, главное, библейской истории. И мы находим в четвёртом томе предмет сегодняшних исканий и своих довольно долгих изысканий: *хлябь* — отверстие.

И всё? И всё. Нет, простите, ещё пример из церковнославянской Библии: *Хляби небесныя отверзошася* (Быт 7:11). И всё? Как же так... Получается, что кое-кто лил впустую много словесной воды, разглагольствуя пространно о *безднах*, *дождливой погоде*, *просторе* и *пустоте*, и, втискивая в словарь *стремнины*, *топи* и *жидкую грязь*, сбивал нас с пути истинного.

Хляби подземные, палящие и смертные

Хочется определить границу: до какого времени *хлябь* понималась как отверстие, проём, вход и выход, и с какого времени как преграда, бездна, топь и всё остальное. Как мы видели, у Ломоносова в его научно-поэтическом опусе о происхождении стекла *хлябями* названы ходы, проходы, то есть отверстия в земле, по ним в недра поступала вода. Поищем пример без воды, дабы подчеркнуть: *хлябь* не есть отверстие для слива жидкости, — а нас невольно тянет связывать *хляби* с чем-либо мокрым.

В том же «Письме о пользе стекла» Ломоносов вопрошает, в частности: для чего европейцы открыли Новый свет? И даёт ответ: для наживы, чтобы разграбить

гробницы индейцев, чтобы убивать ради золота и драгоценных камней. Завоеватели никак не насытятся золотом: *несытые златом*, они готовы отсечь руку у индейца, если у того на пальцах перстни, или отсечь голову, если на ней дорогое убранство. А иных загнали на подневольный труд в шахты, *в средину гор*, — добывать из глубоких нор *драгой металл*, опять же золото:

С перстнями руки прочь и головы с убранством
 Секут насытые и златом и тиранством.
 Иных, свирепствуя, в средину гонят гор
 Драгой металл изрыть из преглубоких нор.
 Смятение и страх, оковы, глад и раны,
 Что наложили им в работе их тираны,
 Препятствовали им подземну хлябь крепить,
 Чтоб тягота над ней могла недвижна быть.
 Обрушилась гора: лежат в ней погребенны
 Бесчастные...

Подземна хлябь, вроде бы, наталкивает на мысль о подземных водах, о горной породе, напитанной водой, — от неё нужно оберегать подземные ходы. Составители академического издания не приводят объяснений по поводу этой *хляби*, я встречал *любительское* толкование, что здесь идёт речь именно о воде. Но вдумаемся в смысл и, что даже важнее, в грамматику. Тираны препятствуют, попросту не дают подневольным горнопроходчикам крепить — что? Поток, воду? Поток некрепишь. Крепить породу, пропитанную водой? Нет, автор пишет, что необходимо укреплять *подземный тоннель* — отверстие, сделанное под землёй, технически — *штрек*, чтобы тяжесть (тягота) земли *над ней*, над этой хлябью, над этой дырой в земле, *могла недвижна быть*, не осела бы, не провалилась. Скажем ещё так: они не ставили подпорки в штреках, из-за чего *гора обрушилась*, завалила хлябь, убив *бесчастных* золотодобытчиков.

В 1739 году, до того, как появилось «Письмо о пользе стекла», обращённое к камергеру И. И. Шувалову, в оде, посвящённой победе над турками и татарами, Ломоносов пишет:

За холмы, где паляща хлябь
 Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
 За Тигр, Стамбул, своих заграбь,
 Что камни с берегов сдирает;
 Но чтоб орлов сдержать полет,
 Таких препон на свете нет.
 Им воды, лес, бугры, стремнины,
 Глухие степи — равен путь.
 Где только ветры могут дуть,
 Доступят там полки орлины.

Нет сомнений, и не возникает вопросов по поводу *орлов* — это русские солдаты, и для наших *орлиных полков* не существует препятствий. А *Тигр* со *Стамбулом* как понимать? Под *Стамбулом* автор имеет в виду Османскую империю со столицей в Стамбуле, подразумевает её правителей. Ломоносов, обращаясь к Стамбулу, требует: *заграбь*, то есть, заberi, *своих* (своих солдат, людей, войска), отведи их за реку Тигр. Пусть турки уйдут за Тигр, за ту реку, что своим быстрым течением *сдирает*, смывает камни с берегов.

Согласен, что здесь мало поэзии, но, мы договорились: смотрим на грамматику и вникаем в смысл. Туркам советуют уйти за Тигр и — за некие холмы с *палаящей хлябью*. Уж точно не с горячими источниками, кипящими морями, стремнинами или топиями. Это вулканы. *Палаяща хлябь* — яма, углубление на вершине *холма*, это вулканический кратер, как мы говорим сейчас: его жерло изрыгает дым, пепел, огонь и, фигурально, смерть. Опять — никакой связи ни с водами, ни с дождливой погодой, ни с просторами и глубинами.

В трагедии «Тамира и Селим», вспомним, странник цепенеет, увидев перед собой крутой склон (крутую стремнину), он боится сорваться в *мрачну хлябь*. В академическом издании Ломоносова здесь имеется пояснение: *хлябь* — бездна, глубина. *Глубину* давайте сразу вычеркнем, чтобы не подталкивать воображение к продолжению *синонимического ряда*: кто-то сделает эту глубину *бездонной*, кто-то припишет к ней *простор* и *пустоту*, кто-то добавит для кучи *глубь*, *пучину*, *трясину*, *слякоть*, там уже и до *жидкой грязи* рукой подать.

В трагедии есть ещё *хляби темны*, но они не морские, не водные, а подземные... Да, можно назвать их поэтически безднами: *тёмные бездны* — имея в виду глубоководную тёмную пропасть.

Делая в 1806–1822 годах второе издание Академического словаря, составители переработали и расширили статью со словом *хлябь*. Они сохранили первое толкование: *преграда, оплот*, а к библейской цитате *хляби небесныя отверзошася* (Быт 7:11) добавили *показательный* пример из Ломоносова. Какой же? Который мы только что разбирали:

*За холмы, где палаяща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,
Что камни с берегов сдирает.* Л. М.

Извините, но *палаяща хлябь*, как мы установили, не *преграда*, и не *оплот*, а вулканический *кратер*, или *жерло* вулкана. Редакторы второго издания, судя по всему, совсем не поняли объяснение, приведённое в первом издании, и добавили ломоносовские *палаящи хляби* наобум.

Добавили они и второе толкование, тоже подкрепив его Ломоносовым. Звёздочка указывает на *переносный* смысл: 2.* Тоже что бездна. *Таков был сей Апроний, который не токмо житием, но и телом и лицом показывает, что он неизмеримое есть жерло и хлябь всех пороков и скверностей.* Лом: Ритор: кн. I гл. 4.

Теперь понятно, откуда в последующие словари вошла *бездна*, правда, уже без звёздочки. А появилось сие дополнение под вторым номером с учётом поэтических употреблений: к тому времени они накопились и явно напрашивались на лексикографическую *фиксацию*. Когда Ломоносов пишет *смертну хлябь разинул ад*, требуются некоторые мысленные усилия и образное мышление, чтобы узреть здесь яму, и не сразу подбирается объяснение: это вроде как провал, отверстие в земле, дыра. А одним словом *бездна* всё как будто сразу объясняется. У Н. М. Карамзина в стихотворении «Волга» (1793 год) есть зияющая *хлябь*, для которой, согласен, первым делом напрашивается толкование *бездна* — даже притом, что *бездны* уже есть, о них сказано во второй строке.

Уже без ветрил, без кормила
По безднам буря нас носила;
Гребец от страха цепенел;
Уже зияла хлябь под нами

Своими пенными устами...

У поэта И. И. Дмитриева (в 1794 году) *хлябь* зияет тоже посреди волн, закрепляя в сознании *неразрывную* связь с мокротой.

Когда зияла хлябь, горой вздымался вал,
Из волн чудовища скакали...

И вот, закрепившись в сознании и *зафиксировавшись* в академическом словаре, *бездна* перекочёвывает в последующие справочники, в том числе в «Полный церковнославянский словарь», составленный Г. М. Дьяченко и напечатанный в 1900 году: *Хлябь* (καταρράκτης) преграда, оплот; *хляби* — бездны.

Не удержусь от вопроса: к тому времени, к 1900 году, вышел и утвердился Синодальный перевод, который не мог пройти мимо внимания Дьяченко, и в котором *хлябям* соответствуют *окна*; почему протоиерей списал определения из *светского* академического словаря, проигнорировав Синодальный перевод? Более того, он знал, что в одиннадцатом стихе, в первой его части, уже есть *бездна*: *разверзошася вси источники бездны*, так что *хляби* в том же стихе *безднами* никак быть не могут.

Получается, я зря иронизировал или даже кидал камни в лексикографов послереволюционного времени, намекая на их неглубокие знания: с *хлябями* и в *хлябях* ещё в просвещённый век Екатерины II запутались, смысл *хляби* ещё до Революции даже священнослужители перестали понимать... Разве что И. И. Срезневский, классик отечественного исторического языкознания, гигант среди многочисленных гуманитарных пигмеев, мог дать точное определение, подтвердив толкование А. Х. Востокова *отверстие*. Обработав многие, если не все, старинные русские письменные памятники, Срезневский накопил «Материалы для словаря древнерусского языка», и в эти материалы мы заглянем сейчас и увидим, что по поводу слова *хлябь* у Срезневского — на основе изученных памятников — сказано... Ищём, находим, вот: *Хлябь* 1. водопад, стремнина. 2. поток. *Хляби небесные* приводятся в качестве примера ко второму объяснению.

А где мои *дыры*, или хотя бы где *окна*? Такой удар со стороны классика!

Посильные объяснения с оглядкой на Памву Берынду

Случайно вспомнилось произведение Максима Горького с названием «В людях», где главный герой в разговоре с неким Митропольским упомянул своего знакомого, епископа Хрисанфа. Собеседник, встрепенувшись, сообщил, что знает Хрисанфа и, к слову, объяснил: «*Хрисанф* значит — *златой цвет*, как верно сказано у Памвы Берынды». На вопрос, а кто такой Памво Берында, герой получил от Митропольского грубый ответ: «Не твоё дело». Он заинтересовался и написал себе в тетрадку: «Непременно читать Памву Берынду». Ему показалось, что *именно у этого Берынды* он найдёт ответ на вопросы, тревожившие его.

Вполне возможно, что Павел Берында, ставший в монашестве *Памвой*, знал ответы на многие жгучие вопросы и давал полезные советы тем, кто приходил к нему исповедоваться. Кстати, когда Берында умер в 1632 году, на его могиле в Киево-Печерском монастыре, на надгробной плите, сочли нужным написать о его *трудах исповеднических* (trudach spowiedniczych). Нас, однако, сейчас интересует не столько то, что Берында был истый монах (doskonały zakonnik) и исповедник (spowiednik), а то, что он работал в монастырской типографии, вычитывал книги перед отправкой в печать — был редактором, или, используя старое русское слово, *справищиком*, — так,

наверно, лучше перевести польское *corrector xiaq*, ибо *справицик* подразумевало и редакторскую и корректорскую работу.

К чему я привожу польские слова в отношении православного монаха и украинского языковеда, или, если хотите, *мовознавця*? Ничего не могу поделать: эпитафия в Киево-Печерском монастыре составлена по-польски:

PAMBE BERINDE tu śmierć złożyła,
Ciężkim pagórką grób przywaliła:
Snadźby o nim zostali
Ludzie nie pamiętali.
Lecz zła iey rada, bo kto gdzie bieży
Mimo pogórek, czyta: Tu leży
Zakonnik doskonały
Pambo, w dobroci stały...

А какая связь с *хлябями*? Не хочу ли я сказать, что для Берынды, когда его *смерть* *скосила*, после его трудов праведных *смертну хлябь разинул ад!* Нет, спешу извиниться и даже оправдаться за случайно возникшие смысловые сближения. Памво Берында заслуживал только райских куш — и как священнослужитель и, с моей точки зрения, в большей степени за то, что он, человек учёный (*człowiek uczony*), знавший древнееврейский, древнегреческий и латынь, составил словарь старославянского языка: *zostawił Lexicon Słowieńskoruski*, как написано в эпитафии.

Сей словарь был напечатан в 1627 году в типографии Киево-Печерской лавры *тицанием*, ведением же и иждивением означенного Памвы Берында — здесь я никоим образом не перевожу с польского, а передаю надпись на обложке, оттиснутую ниже заголовка, понятного, думаю, любому русскому человеку: «Лексикон славеноросский и имен тлькование». Именно в этом справочнике певчий Митропольский, персонаж Максима Горького, нашёл объяснение для имени *Хрисанф*, а мы находим среди семи тысяч собранных слов нужное нам *хлябь*: *Хлябь* гвалтовная вода, прорва, окниско, местце урваное въ реце где вода рачей лиятся, а не течет, затамованье, альбо краты у бронь месцкихъ.

На каком это языке? Понятно, что не на польском. Некоторые украинские источники уверенно называют «Лексикон» Памвы Берынды первым словарём *украинского* языка. Другие считают, что здесь образец старобелорусского языка, кто-то высказывает мнение о западнорусском говоре... Может быть, это русинский? Однако, не буду развивать эту тему. Во-первых, точного ответа нет и быть не может, здесь некое смешение языков. Во-вторых, долгими рассуждениями можно спровоцировать полемику, которая выходит за границы языкознания. Мне в городе Санкт-Петербурге одинаково интересны слова и выражения на любом наречии, как интересны любые разговоры больших народов и малых народностей, и я обращаюсь с одинаковым чувством к тому или иному словарю из целого ряда справочников, которые с одинаковым достоинством стоят бок о бок на одной полке, но я отдаю себе отчёт, что в городах и прочих населённых пунктах на пространстве по берегам Днепра и на запад от Днепра до Польши, Словакии, Венгрии и Румынии, *языковой вопрос* далёк от кабинетных лингвистических изысканий. Если изыскания и затеваются, они направлены подчас на то, чтобы доказать, кто первый пришёл на ту землю, и кто на ней *исконный*, и кто на ней *главный*. На указанном пространстве, где сходится Восток и Запад, сохранение своего языка и культуры подразумевает сохранение своего рода и племени. Томас Хоббс писал о войне каждого со своим соседом, и это вечная война: *a perpetuall warre of every man against his neighbour*, и точно так у каждой народности. И в мирное время между носителями разных языков, то есть между разными национальностями,

возникают споры, и у каждой народности есть пусть шуточные, но уничижительные прозвища для соседних племён, и худшее развитие *культурно-языкового вопроса* — когда перестают пререкаться и с оружием начинают доказывать, кто здесь местный, а кто пришлый, и кто виноват, что здесь появились пришлые, и кто владел землями и кто у кого отнял землю, и за перечнем прошлых обид и претензий, всё неизбежно сводится ко дню сегодняшнему: кто сегодня на этой земле хозяин.

Попробуем разобраться — не во взаимоотношениях с соседями, а в значении тех толкований, что приводит Берында. *Гвалтовная вода* значит *бурная вода* (смотри польское *gwaltowny* и украинское *гвалтовний*). *Прорва* — это *яма, провал в земле* (в современном украинском *прірва* — глубокая яма, горное ущелье, также переносно — пропасть). *Окниско*, если я правильно понимаю, это какое-то *окно*. Фразой *местце урваное въ реце где вода рачей ляться, а не течет* описываются речные пороги. *Затамованье*? Может быть, *запруда* или *плотина* (по-украински *затамувати* значит *остановить, задержать*, а одно из значений старобелорусского *затамовати* — *перегородить*). Скорее, *затамованье* следует рассматривать вместе с последними словами *альбо краты у бронь месцкихъ* и тогда, видимо: *заграждение или железные решётки в городских башнях*.

Вспоминаются некоторые толкования из наших указанных словарей и примеры употребления у выше перечисленных авторов: *стремнина* (бурная вода), *яма, пропасть*... Есть у Берынды *окно* — как в Синодальном переводе. Решётка упоминалась у нас где-либо или нет?

Берында приводит в своём «Лексиконе» ещё отдельно *хляби* — во множественном числе: *прадухи водные, водеупод, ворота, гвалтовная вода*.

Почему всё-таки такой разлёт значений? — от текущей воды до подъёмной решётки в оборонительной башне на въезде в город.

Катарракты небесные!

Я намеренно написал *катарракты* не по современной орфографии, а так, как писали в Древней Греции. Впрочем, по-гречески и сейчас так пишут, с двойной согласной: *катарра́ктес*. В медицинских справочниках мы читаем, что *катаракта*, название глазной болезни, идёт от греческого *катарра́ктис* со значением *водопад*: *Katarakt bedeutet Wasserfall*. Никто не спорит, что медицинский термин имеет греко-латинское происхождение, но стародавние врачи, описывая помутнение глазного хрусталика, использовали *catarracta* в смысле *опускная решётка*. Подразумевается та самая решётка в крепостных воротах. Врачи использовали *решётку* в переносном смысле. Хрусталик мутнеет — как будто решётчатая преграда опустилась и мешает нормальному зрению. Впрочем, для медицины это уточнение не имеет принципиального значения: занятие окулистов — грамотно устранять катаракты и бельма, а не задумываться о происхождении терминов.

Древнегреческое прилагательное *катарра́ктис* имело значение *вниз несущийся, (стремительно) опускающийся*. В виде существительного (став субстантивированным существительным), *катарра́ктис* значило: 1. водопад. 2. опускная решётка. 3. шлюз. Называли так ещё какую-то морскую птицу, видимо, чайку, которая камнем, *стремительно опускаясь*, падает в воду за добычей.

Водопад, опускная решётка, шлюз — эти слова как раз по нашей теме, мы приближаемся к истокам наших *хлябей*.

В третьем веке до новой эры, когда возникла необходимость перевести Библию, точнее, Ветхий завет, на греческий язык, к работе привлекли группу александрийских толковников — александрийских, потому что жили и работали

они в Александрии, в птолемеевском Египте в его эллинистический период, а *толковник* — то же, что *толмач*, то есть, переводчик. Посмотрите объяснение в «Толковом словаре» под редакцией Д. Н. Ушакова: *переводчик (старин.)*. И пример как раз на нашу тему: *Греческий перевод так называемого священного писания с еврейского легендой приписывается семидесяти двум толковникам*.

Когда означенные древнегреческие толковники, или, проще говоря, толмачи, перекладывали библейские тексты с древнееврейского для греческой Библии, известной теперь как Септуагинта, они использовали *катарράκτης*, точнее, *катарράκτες*, во множественном числе, в том самом стихе, который мы сегодня уже не раз повторяли: *καὶ οἱ κатарράκται τοῦ οὐρανοῦ ἠνεῴχθησαν* (открылись катаракты небесные). Но какой смысл вложили они в эти *катаракты*, какое из трёх названных толкований? Наверно, *водопады*, поскольку перевод делался в Египте, а в словарях есть помета, что *катарράκτες* встречается у Страбона при описании нильских водопадов на границе с Эфиопией. Однако, авторитетные немецкие и британские лексикографы уточняют, что в Книге Бытия в истории со всемирным потопом, в описании его первого дня, когда *разверзлись все источники великой бездны*, слово *катарράκτης* значит *trap-door*, то есть *люк*.

Греческое *катарράκτης* перешло в латынь, его использовали, в частности, и для описания всемирного потопы в латинской Библии: «Anno sexcentesimo vitae Noe, mense secundo, septimodecimo die mensis, rupti sunt omnes fontes abyssi magnae et cataractae caeli apertae sunt» (Genesis 7:11).

В «Большом латинско-русском словаре» составитель, И. Х. Дворецкий, со ссылкой на латинскую Вульгату (Vlg), считает, однако, что *хляби* следует понимать как *шлюзы*: *cataracta* (catarracta) 1. пороги, водопад. 2. подъёмная решётка. 3. шлюз: *cataractae caeli* (Vlg) хляби небесные.

Как видите, мы продолжаем плавать. В переносном смысле. Мы теперь переводим взгляд с люка на шлюз: что выбрать? Но, по крайней мере, мы перестали падать в бездны, ёжиться от непогоды с дождём, скатываться по скалистым стремнинам и барахтаться в жидкой грязи. Всё-таки *шлюз* и *люк* имеют схожий смысл, оба, как и *окно*, — пропускные отверстия.

Греки сказали своё слово, римляне повторили, а потом — *пошла писать губерния*, теперь не наша, а западноевропейская. В английских словарях *cataract*, идущее из латыни, имеет значения, и устаревшие, и современные: *rapids* (речные пороги), *sluice*, *watergate* (шлюз, затвор), *portcullis* (подъёмная решётка, какие устраивали в крепостных или тюремных воротах), *drawbridge* (подъёмный мост). И мы уже говорили о помутнении зрачка: по-английски это тоже *cataract*.

Мы находим *катаракты* в современной итальянской Библии: *le cateratte del cielo si aprirono*. В библейском использовании *cateratte* толкуются как *шлюзы*, хотя в других текстах *cateratta* встречается в значениях *cascata* (водопад) и *rapida* (стремнина).

Кто виноват в означенной многозначительности, простите, в указанной многозначности или, если хотите, полисемии? Древние александрийские толковники. Им бы подобрать какое другое греческое слово для перевода древнееврейских *отверстий*! И не было бы последующих гаданий и метаний от жидкого к твёрдому, от *гвалтовной воды* до *железных крат*. В своих работах по славистике Франц Миклошич объясняет старославянское *хлябь* через древнегреческое *θύρα* и латинское *fores*. И то, и другое значит *дверь*. Или *ворота*. И если бы толковники написали *θύρα*, было бы, может, не совсем в точку, не тютелька в тютельку, но сохранился бы смысл *отверстие*, *проём*, и, главное, не возникла бы *полисемия*.

Кстати, если вспомнить, как в Книге Еноха описывается *конструкция* неба, там в небесном куполе открываются ворота (*gate, gates*). В одном английском переводе

используется литературное *portals* (врата) в другом простое *gates*: «To the east of these beasts I perceived the extremities of the earth, where heaven ceased. The gates of heaven stood open, and I beheld the celestial stars come forth. I numbered them as they proceeded out of the gate, and wrote them all down, as they came out one by one according to their number» (Enoch 11:11-13).

Но пора поставить точку. И чтобы она была жирная и окончательная, её лучше поставить, опираясь на самый большой авторитет в славистике, опираясь на Франца Миклошича: обращаемся к его «Этимологическому словарю славянских языков», читаем статью о происхождении *хляби*. Миклошич использует для головных слов латиницу, объясняет значения через греческий и немецкий. Мягкий знак и буква *ять* у него из русского языка. *Otvôr* (отверстие), видимо, чешское слово, или так он передаёт польское *otwór*. Миклошич считал, что сначала была форма *chlembi* (хлемби), потом *-et-* дало носовой звук *ę*. Это рассуждение строится, как я понимаю, на том, что в слове *хлябь* по-церковнославянски писали не букву *я*, как сейчас, а малый юс.

Chlembi asl. hľebь catarrhacta, fores: hľebi nebesъnyje. Klr. chl'aby otvôr, r. chl'abь damm, wr. chl'aba regenguss.

То есть, старославянское (asl.) *хлябь* значило *двери, ворота*; пример использования: *хляби небесные*. Малороссийское (klr.) *хлябы* значит *отверстие*, русское (r.) *хлябь* — это *плотина*, белорусское (wr.) *хляба* объясняется как *ливень*.

Вот как? По этой складной классификации получается, что в Российской империи в разных частях восточнославянского проживания *хляби* понимались совсем по-разному. Что-то не верится в такие односложные определения и чёткие области распространения — после всех толкований, с которыми мы сегодня познакомились... Что-то я всё время как Фома неверующий. Что-то мне не хочется перепроверять ещё и Миклошича. И если не верится, то уж точно нужно поставить точку.

Посильный вклад в лексикографию и библеистику

Если поставить точку, оставив всё в той же неопределённости, меня могут спросить: для чего затевался разговор? Для того, чтобы перечислить с недоверием и даже с иронией то, что сказано и написано другими? Другие тоже могут сказать в ответ что-нибудь ироничное... Посему, для определённости, перестану укорять других за то, чего не надо было делать, а предложу то, что надо сделать. После знакомства с множеством расплывчатых и противоречивых толкований позволю себе высказаться чётко и однозначно.

И Миклошич, и составители академических словарей не находят связи между старославянским *хлябь* и глаголом *хлябать*. Мол, у первого написание через *юс*, и оно присуще литературному языку, а *хлябать* что-то просторечное... Замечу, что в древнерусских памятниках одни авторы писали *хлябь* через *юс*, другие через *ять*, третьи через простое *е*, как, например, во фразе *дъждных хлебий податель*. Так что форма *хлемби* у Миклошича является необоснованной придумкой, формой, умственно выведенной. *Хлябь* связано, происходит от глагола *хлябать* — не в смысле *болтаться*, как, например, неплотно завинченная гайка, а в смысле *хлюпать*. Русские глаголы *хлябать*, *хляпать*, *хлюпать* и даже *хлебать*, то есть, лакать с шумом воду или есть с шумом жидкую пищу, например, *похлёбку*, польские глаголы *chlipać* (всхлипывать; хлебать) и *chlapać* (хлюпать) и ряд подобных слов в других славянских языках — однокоренные *ономатопы*, в них — подражание звуку, который издаёт хлюпающая, плещущая вода — *гвалтовная вода*, так и тянет повторить вслед за Памвой Берындой. И древнерусские писатели использовали *хлябь* в том значении, которое мы находим у И. И. Срезневского: *поток*. Их *хляби* соотносились с древнегреческим *καταρράκτης* и в

смысле *водопад*. В псалмах, прочитав *Бездна бездну призывает во гласе хлябий Твоих*, мы согласимся, что подходит только толкование *водопасы*, а не какие-либо *люки* или *окна*. И при переводе библейской истории о всемирном потопе русские толмачи неверно поняли *катарра́ктес* как *потоки* — потоки льющейся с неба воды.

Языковеды вроде Памвы Берынды, Ломоносова, Востокова и Миклошича, знавшие библейские первоисточники и европейские переводы, придавали слову *хлябь* в седьмой главе церковнославянской Книги Бытия то значение, которого *хлябь*, производное от *хлябать*, не имела: *отверстие, окно, дверь, решётка, затвор*.

Так что нужно было поставить здесь при переводе греческого *катарра́ктес*?

Посмотрим, что используется на месте *хлябей небесных* в переводах Библии на другие *славянские* языки. С болгарским вариантом мы выше познакомились: «всичките извори на голямата бездна се разпукнаха и небесните отвори се разкриха». Где *отвор* — отверстие, дыра. В чешской Библии схожее *otvor* (отверстие). По-сербски: «развалише се сви извори великог бездана, и отворише се уставе небеске». *Устава* — шлюз, затвор. В словацком *nebeské priepusty* существительное *priepusty* значит *затворы, выпускные каналы*. Не обнаруживается ничего, хотя бы по написанию, по отдельным буквам похожее на *хлябь*.

Мне скажут: это современные переводы, а в старину, наверно, не только у нас использовали старославянское *хлябь*. Честно говоря, у меня уже нет уверенности, что *хлябь* взято их старославянского лексикона. Думаю, это старорусское слово и, повторяю, однокоренное с *хлябать*. Вспомним, кстати: Миклошич, известный своими работами по сравнительной славистике, описывает *хлябь* только в русском, малороссийском и белорусском употреблении.

Соглашусь, что современный язык существенно отличается от того, на котором писали наши славянские предки. Действительно, давайте возьмём какое-нибудь старинное издание — из доступных. Например, в Кралицкой Библии, напечатанной в конце 16-го века, в описании всемирного потопа мы читаем: «а prŭduchové nebeští otevříní jsou». Понятно, так ведь? — что-то *небесное отворилось*. А что именно? Помните, у Берынды первое определение *хлябей*: *прадухи*. Это и есть соответствие старочешскому *prŭduchové*. В современном русском языке имеется строительный термин *прóдух*, это небольшое отверстие в цоколе для вентиляции. В украинском словаре Гринченко можно отыскать *продухвина* со значением *продушина*. Именно это слово нужно использовать вместо *хлябей*, когда Библию будут ещё раз переводить на современный русский язык, — *продушины небесные*. Это, по-моему, точнее и благозвучнее, чем *окна* в Синодальном переводе.

Итак, в словаре современного русского языка следует объяснять *хлябь* следующим образом: 1. поток. 2. продушина — с примером: (библ.) *отверзлись хляби небесные* открылись продушины в небе, (разг.) пошёл сильный дождь.

А остальное куда — *бездну, непогоду, стремнину, скалы, топи, жидкую грязь*? Их больше не упоминать. Чтобы забыть Герострата, не следует кричать о запрете на каждом углу и перекрёстке, следует молча вычеркнуть его имя из письменных источников. И оно со временем само забудется.

Пока я изучал отдельные слова, *ковырялся* со словами, за последние десять лет чуть ли не каждое издательство выпустило по несколько многостраничных и даже многотомных толковых и переводных словарей. Одного *Мюллера* теперь целая полка — и для школьников, и для студентов, и для контор, и чуть ли не под цвет обоев, и на тысячи слов, и на десятки тысяч, и неважно, что эта разнокалиберная батарея не имеет отношения к давно умершему В. К. Мюллеру и его довоенному, не такому уж большому словарю. Время наше рыночное, оно требует: быстро что-нибудь *слепим* и быстро *выбросим* на рынок. Это в давние времена считали, что нет работы более

трудной, нежели составление лексиконов. Жозеф Жюст Скалигер даже так выразился в зарифмованной форме — преувеличивая, но с юмором и образно: если кому вынесли в суде суровый приговор, не надо изнурять его каторжными работами, доводить до изнеможения его руки добыванием руды. В двух заключительных строках Скалигер даёт совет, как поступить с осуждённым: пусть он составляет словари. Что долго рассказывать? — в этом труде все виды наказаний.

Lexica contexat. Nam caetera quid moror? Omnes
Poenarum facies hic labor unus habet.

А сегодня электронные приспособления позволяют сделать лексикографическую работу *оперативно* и без особых умственных усилий. На обложке готового *продукта* очень желательно поставить имя, потребителю знакомое, чтобы он на известное имя купился, так что напишем, что это *далевский* словарь или *мюллеровский*. Если даже В. И. Даль и В. К. Мюллер, как говорится, переворачиваются в гробу от досады, главное, в суд они не подадут за нарушение авторских прав и моральный ущерб.

И библеистика, оказывается, тоже не стояла на месте, как и лексикография. Пока, повторяю, некоторые со словами и выражениями разбираются, путаются в разного рода словесных *хлябях*, Русское Библейское общество сделало перевод Библии — новый, полный, современный.

Если уж мы коснулись сегодня библейской темы, давайте посмотрим, как в современном переводе решили вопрос с *хлябями*, — учитывая, конечно, и предыдущие русские переводы, и многочисленные западноевропейские... Во-первых, как у них с *твердью небесной*? Читаем: «Тогда Бог сказал: Да будет нечто, разделяющее воду посередине! И сотворил Бог воздух и разделил воду посередине. Часть вод была над воздухом, а часть — под воздухом. Бог назвал воздух небом» (Быт 1:6-8). А раньше было... Ну да, мы говорили: в русском тексте пять раз повторялось существительное *твердь*, а в латинском пять раз *firmamentum*. Такое представление было у древних о строении мира. Что не соответствует современному представлению о его строении. Поэтому, видимо, в Библейском обществе и решили как-то *примирить* религию с наукой, поверить чудеса природоведением.

Позволю себе детский вопрос, раз уж божественное сотворение мира представлено в свете науки и с материалистических позиций: как воздухом *разделить* воду, и может ли воздух удерживать над собой огромную массу воды, время от времени через себя её выпуская в виде дождя? Может быть, Библейскому обществу ещё и новым пересказом детских волшебных сказок заняться? — для примирения волшебства с научным объяснением окружающей действительности.

А история с потопом, когда отверзлись *источники великой бездны*? В современном виде они стали, прямо как в учебнике природоведения, *подземными ручьями*: «На семнадцатый день второго месяца вскрылись все подземные ручьи. В тот же самый день небеса разверзлись, и на землю обрушились сильнейшие ливни» (Быт 7:11).

Вот как? Какие-то стилистические нарушения: если уж *современным* языком взялись излагать, да ещё *примиряя религию с наукой*, вместо *небеса разверзлись* нужно писать *небо открылось*. Но стиль — дело не первое. Для такой работы, как мне представляется, привлекают только филологов со знанием древнееврейского и древнегреческого, и, поскольку Библия исследована от А до Я, от альфы до омеги, от Бытия до Апокалипсиса, описана вплоть до букв и даже звуков, предполагается, что новые переводчики прояснят тёмные места и, может быть, сумеют объяснить то, что до сих пор не поддавалось объяснению. Но, как мы видим, наши новые библеисты просто выбросили и *великую бездну*, и *хляби*.

Может быть, к первоисточникам в Библейском обществе решили и не обращаться? Про то, как *вскрылись подземные ручьи*, я читал, кстати, в современной американской Библии для детей: «the underground springs split open». И дальше — у американцев в изложении для детей — почти как в природоведении: «and the clouds in the sky poured out rain».

А для чего? В смысле, для чего Библейское общество затеяло и осуществило упрощённый перевод? Если это можно назвать переводом, а не отредактированным пересказом предыдущих переводов. Может, действительно для того, чтобы примирить религию и науку и, так сказать, поверить веру природоведением, как пушкинский Сальери поверил гармонию алгеброй? Подобное *примирение* можно осуществлять сколь угодно в статьях собственного авторства, не трогая древний письменный памятник. Или захотелось, из тщеславия, именно к древнему памятнику прикоснуться, всё-таки статус у переводчика Библии выше, чем у толмачей, перекладывающих на русский язык английские детективы и любовные истории для домохозяек? Или Библейское общество поставило цель увеличить количество верующих в нашей стране? — расширить, так сказать, ворота, дабы облегчить вход новообращённым, дабы приблизить к Богу с помощью упрощённого перевода граждан и господ, не желающих напрягать мозги, ждущих и от *духовной* пищи, чтобы она легко усваивалась. Но верующие верят не в Библию с её словами, отпечатанными на бумаге, они верят в Бога — в тот его образ, который видится по-разному в разных странах, в разных краях, а то и на разных улицах одной деревни. На протяжении веков большинство христиан вообще не читали Библию, ибо пребывали в неграмотности, а Библия была, тем более, на латыни или церковнославянском языке. К Богу нельзя кого-либо приблизить — он держит всех на одинаковом отдалении от себя. А если кто хлопочет о расширении ворот, ведущих в Царство Божье, то в Новом завете предписывают как раз обратное: идите через ворота узкие. В Евангелии от Матфея (7:13) сказано, что просторные ворота и широкая дорога ведут в погибель: *пространная врата и широкий путь вводяи в пагубу*.

Литература

1. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997.
2. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
3. Дьяченко Г. М. Полный церковно-славянский словарь. М., 1900.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. М., 2000.
5. Итальянско-русский словарь. Изд. 2. М., 1972.
6. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1983.
7. Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794.
8. Словарь украинского языка. Под ред. Гринченко Б. Д. Киев, 1909.
9. Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1847.
10. The Book of Enoch, or 1 Enoch. Oxford, 1912.
11. A Greek-English Lexicon Based on the German Work of Francis Passow by Henry George Liddell and Robert Scott. New York, 1853.
12. Franz Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum: emendatum auctum. Vindobonae, 1862–1865.
13. Franz Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
14. Walter W. Skeat. An English-Anglo-Saxon Vocabulary. Cambridge, 1879.
15. Walter W. Skeat. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1888.
16. Vocabolario dell'Accademia della Crusca. Venezia, 1612.